

**НАУЧНЫЕ
ТРУДЫ
МОСКОВСКОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

№3/2013

Рецензируемый научный журнал
Издается с 2002 года

**Издательство Московского гуманитарного университета
2013**

Главный редактор

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета

Редакционная коллегия

Агранат Дмитрий Львович, доктор социологических наук, доцент, декан юридического факультета Московского гуманитарного университета

Булаков Олег Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета

Буренко Владимир Иванович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета

Винокуров Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, полковник юстиции, старший советник юстиции, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета

Инков Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Московского гуманитарного университета – *ответственный секретарь*

Костина Анна Владимировна, доктор философских наук, доктор культурологии, доцент, декан факультета философии, культуры и искусств, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета

Крылова Елена Борисовна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой финансовых и экономических дисциплин Московского гуманитарного университета

Пеньковский Дмитрий Дмитриевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Московского гуманитарного университета

Романюк Лариса Валерьевна, доктор педагогических наук, профессор, начальник Управления аспирантуры, докторантуры и научной работы Московского гуманитарного университета

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, ученый секретарь Ученого совета, профессор кафедры социологии Московского гуманитарного университета

Сошникова Тамара Аркадьевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей

Царегородцев Юрий Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента Московского гуманитарного университета

Свидетельство о регистрации Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия ПИ №ФС77-21885 от 14 сентября 2005 г.

Научные труды Московского гуманитарного университета. М.: Издательство Московского гуманитарного университета. №3/2013. – 76 с.

© Московский гуманитарный университет, 2013

© Авторы статей, 2013

Издательство Московского гуманитарного университета

111395, Москва, ул. Юности 5/1, к.6.

Контактная информация редакции журнала размещена на официальном сайте:

http://www.mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/

Подписано в печать 29.03.2013. Тир. 500 экз.

**Редакционный совет журнала
«Научные труды Московского гуманитарного университета»**

Ильинский Игорь Михайлович, доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета – *председатель*

Луков Валерий Андреевич, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета – *заместитель председателя*

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета

Богданов Андрей Петрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН, член Союза писателей России

Журавлев Анатолий Лактионович, член-корреспондент РАН, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РАН, заведующий кафедрой социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета

Ковалева Антонина Ивановна, доктор социологических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующая кафедрой социологии Московского гуманитарного университета

Королев Анатолий Акимович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры истории Московского гуманитарного университета

Луков Владимир Андреевич, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета

Ситаров Вячеслав Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой педагогики и психологии высшей школы Московского гуманитарного университета

Экштут Семен Аркадьевич, доктор философских наук, заместитель главного редактора журнала «Родина», руководитель Центра истории искусств и культуры Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой «Искусства и гуманитарные науки» Государственного академического университета гуманитарных наук

Юдин Борис Григорьевич, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, директор Центра биоэтики Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета

**Некоторые особенности взаимоотношений
Афин и союзников в начальный период Декелийской войны
(413 – 410 годы до н. э.)
А. А. Инков**

**Some features of mutual relations of Athens and its allies in the initial period of
Decelean War (413 - 410 years B.C.)
A. A. Inkov**

Аннотация: В статье рассматриваются особенности взаимоотношений Афин с их союзниками после сицилийской катастрофы. Анализируются причины, не позволившие Спарте одержать решающую победу над своим противником в начальный период Декелийской войны.

Ключевые слова: Афины, Спарта, союзники, Пелопоннесский союз, Декелийская война.

Abstract: In article features relationships Athens and its allies after the Sicilian disaster. Analyze the reasons for Sparta not won a decisive victory over his opponent in initial period of Decelean war.

Keywords: Athens, Sparta, allies, Peloponnesian League, Decelean war.

Сицилийская экспедиция афинян, завершившаяся крахом экспансионистской политики Афин в Западном Средиземноморье, открывает заключительный, т. н. Декелийский период Пелопоннесской войны (413 – 404 гг. до н. э.). Потеряв в ходе этой экспедиции большую часть боеспособного войска (более 40 тыс. чел.) (Davies, 1978: 146; Хаммонд, 2003: 426) и по меньшей мере 216 триер, из которых 160 были афинскими (Kagan, 1990: 2), Афины лишились гегемонии на море (Diod., XIII. 34.1¹) и уже не могли как прежде проводить широкомасштабные наступательные действия. На новом этапе войны общая инициатива на суше и на море переходит в руки Спарты и ее союзников, которые, построив при помощи персидских субсидий мощный военный флот, начинают теснить позиции афинян в Греции, Малой Азии и проливах Геллеспонт и Дарданеллы. Наступает коренной перелом Пелопоннесской войны.

Используя военные неудачи афинян в Сицилии, Спарта стремилась развалить Афинский морской союз, внутри которого после 413 г. до н. э. (далее все даты до н. э.) обострились противоречия между Афинами, как гегемоном союза, и некоторыми крупными и мелкими полисами, входившими в группу их союзников. При этом правящие круги Спарты стремились оказывать всяческую поддержку этим сепаратистским устремлениям, обещая оказать мятежным полисам помощь своими войсками в случае их выхода из архэ. Одновременно

¹ Ссылки на античных авторов приводятся согласно существующей антиковедческой традиции. Отсылки к изданиям русских переводов см. в списке литературы.

спартанцы использовали сложившуюся после разгрома афинян в Сицилии благоприятную военно-политическую обстановку для укрепления собственных позиций в материковой Греции. В конце 414 – начале 413 гг. под эгидой Спарты складывается мощная антиафинская коалиция, в которую вошли государства Пелопоннесского союза, Сиракузы на Сицилии, а также присоединившийся позже персидский царь Дарий II Ох. Последний, впрочем, оказывал Спарте преимущественно финансовую помощь.

Непосредственным итогом сицилийского поражения афинян стало возобновление крупномасштабной войны между Афинами и Спартой в материковой Греции. Осенью 413 г. положение в Афинах было чрезвычайно тяжелым. В городе царили страх и смятение. По словам Фукидида, «все государство удручено было гибелью множества гоплитов, конницы и молодого поколения, заместить которое другим не было возможности. В то же время афиняне видели, что у них нет достаточного количества кораблей в доках, нет денег в государственной казне, нет гребцов для флота; при таком положении они... думали, что неприятель из Сицилии немедленно пойдет на них с флотом на Пирей..., что враги их в самой Элладе, располагая теперь во всех отношениях вдвое большими военными силами, будут теснить их с ожесточением с суши и с моря, что союзники отложатся и примкнут к врагам...» (Thuc., VIII. 1.2).

В отличие от Пелопоннесского союза, в котором главенство Спарты являлось во многом номинальным, а входившие в него полисы пользовались полной автономией во внутренних делах и даже не платили общесоюзного форо́са, лидерство Афин в основанном ими Морском союзе держалось на их военном, прежде всего морском превосходстве над союзниками (Souza, 2002: 13). За исключением некоторых входивших в архэ островных государств (Самос, Хиос), сохранивших в его рамках автономию и право иметь военный флот, ни один из членов морского союза не имел права содержать военные корабли и сухопутную армию, за исключением самих афинян. Вместо этого союзники обязаны были платить в общесоюзную казну специальный налог – форо́с, составлявший первоначально 640, а затем выросший в период Пелопоннесской войны до гигантской суммы в 1500 талантов. Первоначально казна союза хранилась на о. Делос, затем в правление афинского стратега Перикла она была перенесена в Афины, которые, таким образом, получили возможность бесконтрольно распоряжаться собираемыми с союзников деньгами по своему усмотрению. Располагая огромным военным флотом и деньгами на его содержание, Афины легко могли подавить выступление любого отдельно взятого крупного полиса и даже нескольких государств. Однако в этом заключалась и слабость Афинского морского союза. Отстранение афинянами подавляющего большинства входивших в архэ полисов от участия в его внешне- и внутривосточной деятельности, сопровождавшееся бесцеремонным вмешательством в их внутренние дела и жестким подавлением вооруженной рукой любых проявлений сепаратизма с их стороны, а также отсутствие со стороны Афин какого-либо желания согласовывать свои действия с интересами союзников, неизбежно приводили в их среде к

росту недовольства и стремлению выйти из архэ. Однако пока Афины располагали огромным военным флотом и армией, им удавалось без труда подавлять эти спорадические восстания своих союзников, но теперь, когда их флот был уничтожен в Сицилии, сила, удерживавшая от развала Афинский союз, исчезла, и начался процесс его распада. Поэтому главным вопросом Декелейской войны (Фукидид называл ее Ионической, по названию области в Малой Азии, где развернулись основные события войны), как и на первом этапе Пелопоннесской войны (определяемого обычно как Архидамова война, по имени возглавлявшего силы противников афинян спартанского царя Архидама), был вопрос об афинских союзниках.

Поражение Афин в Сицилии открывало для Спарты благоприятную возможность для нанесения решительного удара по своему противнику в самой Греции. По оценкам Кэгена, в 413 г. спартанцы располагали в материковой Греции более чем полуторным превосходством в силах: 30 тыс. гоплитов и 1500 всадникам Пелопоннесского союза Афины могли противопоставить всего 9 тыс. гоплитов всех возрастов, около 11 тыс. фетов, служивших в легкой пехоте и 3 тыс. метеков (Kagan, 1990: 2 – 11). Однако позиция спартанского руководства в первые месяцы после сицилийского разгрома афинян оставалась, в целом, крайне пассивной¹. Причина этого заключалась, с одной стороны, прежде всего, в отсутствии у Спарты военно-морского флота, без которого было невозможно продолжать войну в Греции (Кузицин, 1986: 202), так как основные владения Афин включали в себя острова Эгейского моря и города малоазийского полуострова, недоступные для спартанцев без утверждения их господства на море. С другой стороны, руководство Спарты явно не ожидало стремительной развязки войны в Сицилии и строило планы на ее затяжной характер. Поэтому поражение афинян в Сицилии оказалось для спартанского руководства полной неожиданностью. И если после разгрома армии Никия и Демосфена Афины пребывали в шоке, то и Спарта оказалась в полной растерянности. Вместо того чтобы немедленно осадить Афины и попытаться склонить афинян к капитуляции, спартанское командование продолжало по-прежнему распылать свои силы, ведя локальные операции в Средней и Северной Греции, начатые еще во время сицилийского похода афинян.

Зимой 413 г. спартанский царь Агид III с частью спартанской армии, расквартированной в Аттике, совершил поход в Фессалию, рассчитывая склонить фессалийцев к Пелопоннесскому союзу. После ряда боев спартанцы подчинили ряд мелких фессалийских общин (Thuc., VIII. 3.1), но этот незначительный успех лишь подтвердил отсутствие у руководства спартанской армии в данный период серьезных планов по ведению дальнейшей войны.

Фессалийский поход со всей очевидностью показал спартанцам бесперспективность дальнейшей войны на суше. Было ясно, что окончательно разгро-

¹ Фукидид и Диодор единогласно утверждают, что после того, как Афины испытали столько неудач в Сицилии, большинство греков пребывало в уверенности, что война закончилась, так как никто не ожидал, что афиняне смогут далее противостоять Спарте (Diod., 13, 37,1).

мить Афины без мощного военного флота невозможно. Поэтому фактически еще во время похода Агида по инициативе спартанского руководства в Спарте было созвано собрание союзников для обсуждения вопроса о строительстве флота. Собрание приняло программу строительства флота из 100 кораблей (Thuc., VIII. 3.2). Вместе с тем, ключевым вопросом оставался поиск источников финансирования строительства флота. Ввиду отсутствия в самой Спарте достаточных финансовых средств было решено, что расходы на строительство кораблей возьмут на себя союзники. Из-за продолжавшейся уже в течение многих лет войны с Афинами многие государства были разорены и едва ли могли в реальности выделить большие средства на создание флота. Поэтому большие надежды в Спарте возлагали, прежде всего, на прибытие из Сицилии союзного сиракузского флота. С его помощью спартанцы надеялись «добиться непоколебимого владычества над всей Элладой» (Thuc., VIII. 2.4).

Представившуюся заминку в войне Афины также использовали для восстановления своих сил. В первую очередь афиняне стремились восстановить флот. Чтобы найти средства для строительства кораблей, народным собранием были приняты чрезвычайные меры, санкционировавшие изъятие из государственной казны хранившегося там с начала войны неприкосновенного запаса в 1000 талантов, предназначенного специально для чрезвычайных ситуаций. (Thuc., VIII. 15.1). До минимума были сокращены государственные расходы, в частности, отменена плата гражданам за исполнение государственных должностей и др. (Thuc., VIII. 1.1). Одновременно на случай нападения спартанцев укреплялись рубежи в самой Аттике. Афиняне выстроили укрепления на стратегически важном мысу Суний, чтобы корабли, плывущие в Афины с хлебом с о. Эвбея, могли безопасно огибать его, не опасаясь нападения вражеского флота. С целью пополнить численность столичного гарнизона были сокращены афинские гарнизоны в ряде крепостей, в частности, выведены отряды из расположенного на юге Пелопоннеса Пилоса (Thuc., VIII.4), удержать который после гибели сицилийского войска афиняне все равно уже не могли. Эти меры позволили увеличить численность гарнизона Афин на несколько тысяч человек. Значительные надежды афиняне также возлагали помощь своих союзников за границей, рассчитывая собрать среди них денежные средства на постройку нового большого флота (Diod., XIII. 36.1).

К сожалению, источники почти не содержат сведений о политике Афин в отношении своих союзников в первые месяцы после сицилийской катастрофы. Историк Фукидид, являющийся нашим единственным источником этого периода, в начале своей восьмой книги кратко сообщает, что афиняне в это время «особенно внимательно следили за союзниками, опасаясь восстаний» (Thuc., VIII. 4).

Важная роль в этом «наблюдении» за союзниками отводилась афинскому флоту. Вопреки утверждению Фукидида, несмотря на гибель в Сицилии всей экспедиционной армии и большей части корабельного флота, в 413 г. Афинский союз, вне всяких сомнений, продолжал располагать значительными

военно-морскими и сухопутными силами (Lazenby, 2004: 174). По сообщению все того же Фукидида, еще во время сицилийского похода участвовавшие в нем стратеги отправили эскадру из 27 кораблей под командованием стратега Гиппокла к о. Левкаде в Ионическое море (Thuc., VIII. 13) следить за тем, чтобы сицилийские греки не могли получить во время осады Сиракуз подкрепления от пелопоннесцев. Хотя эскадра не справилась со своей задачей, разгром основной афинской армии в Сицилии ее не затронул, и корабли вместе с экипажами могли принять участие в последующих военных операциях. Кроме того, афиняне располагали 21 триерой в родных водах, в том числе 7 с Хиоса (Хаммонд, 2003: 427). Однако обеспечить лояльность Афинам множества островных государств и полисов побережья Малой Азии, как раньше, этих сил было недостаточно.

Зимой 413 – весной 412 гг., воспользовавшись слабостью Афин, от них отпали многие союзники. Первым от афинян отложилась Эвбея, считавшаяся прежде одним из наиболее верных союзников (Thuc., VIII. 5.1). За ней последовали Лесбос, Эретрея, Теос, Фасос, Кизик, Милет, Клазомены и другие острова и города малоазийского побережья. В июне 412 г. о выходе из Афинского морского союза объявил самый крупный афинский союзник Хиос (Thuc., VIII. 14.2). Восставшие города один за другим отправляли посольства в Спарту с предложением совместной борьбы против Афин.

Некоторые из этих посольств прибыли в лагерь спартанского царя Агида, командовавшего пелопоннесской армией в Декелее, другие отправились напрямую в Спарту (Thuc., VIII. 5.1 – 4). В вопросе о том, кому из восставших городов следует оказать помощь в первую очередь, в руководстве Пелопоннесского союза не существовало единого мнения. Поскольку эвбейцы обратились за помощью непосредственно к спартанскому царю, Агид стремился убедить власти Спарты в необходимости отправки пелопоннесских войск на Эвбею. Однако политические круги Спарты, среди которых было немало противников усиления власти спартанского царя, склонялись к оказанию помощи прежде всего Хиосу. Последнее мнение возобладало. Помимо того, что хиосцы отправили посольство с просьбой о помощи непосредственно в Спарту, на осуществление этого выбора не в последнюю очередь повлияло, по-видимому, то обстоятельство, что Хиос располагал значительными материальными средствами и большим военным флотом (Thuc., VIII. 6.3)¹, опираясь на который в Спарте рассчитывали вести морскую войну против афинян в малоазийских владениях (Thuc., VIII. 6.4). Не имея собственного военного флота и денег на его содержание, Спарта не могла извлечь для себя выгод из поражения афинян в Сицилии, а без прямой поддержки спартанцев малоазийские греки не решались на открытое выступление против Афин.

Ослаблением афинского могущества стремилась воспользоваться не только Спарта, но и традиционный противник греков Персия. Потерпев в ходе Греко-персидских войн во второй половине V в. поражение в своих экспансионист-

¹ По сообщению Фукидида, военный флот хиосцев к моменту восстания насчитывал около 60 кораблей.

ских планах по захвату Греции, персидские цари не оставляли надежд удержать в своих руках важное в торговом и военном отношении ионическое побережье, населенное греками. Калиев мир 449 г., подведший итог более чем полувековому греко-персидскому противостоянию, вопреки распространенному мнению (Kagan, 1990: 16), не означал уступки персидскими царями побережья Ионии Афинам. Лишившись по договору с Афинами права держать в Эгейском море военно-морской флот, Персия, по-видимому, продолжала после окончания войны формально распространять свою финансовую власть на ионийские города, в том числе сохраняла право взимать дань с греческих общин побережья (Печатнова, 2002: 200). Однако на практике это право, очевидно, не соблюдалось, и пока был силен возглавляемый Афинами морской союз, куда входило большинство греческих полисов ионического побережья, Персия не имела возможности проводить *de facto* на этих землях свою фискальную политику, и взимаемый с них форос поступал в афинскую казну (Печатнова, 2002: 201).

Поражение Афин в Сицилии и, как следствие этого, общее ослабление афинского морского могущества создали для Персии благоприятную возможность для вмешательства во внутренние дела греческих государств. Непосредственным поводом для такого вмешательства, по словам Фукидида, явились финансовые затруднения сатрапов Фарнабаза и Тиссаферна, управлявших приморскими областями Персидской империи Карией, Лидией и Фригией (Thuc., VIII. 5.5). Не имея возможности уплатить в царскую казну наложенные на их провинции подати, оба сатрапа рассчитывали покрыть недоимки за счет распространения податей на прилегающие к персидским владениям греческие города малоазийского побережья. При этом Тиссаферн и Фарнабаз не располагали достаточными силами для того, чтобы самостоятельно вытеснить с побережья ослабевшие, но все еще достаточно сильные Афины. Вследствие этого, они стремились вступить в военный союз со спартанцами, чтобы с их помощью разгромить афинян.

Основным условием заключения персидско-спартанского союза было то, что Персия готова была взять на себя финансовые расходы на строительство спартанского флота в обмен на передачу Спартой под контроль персидского царя после победы над афинянами всей Ионии (Thuc., VIII. 5.5). Меньше всего думая в обстановке напряженной борьбы с Афинами о моральных и политических последствиях подобной сделки с «варварами», спартанское руководство охотно пошло навстречу этим предложениям, что в целом лишь усилило в кругах Пелопоннесского союза позиции сторонников оказания помощи малоазийским городам, выступавшим за отправку спартанских войск и флота в Ионию.

Однако в Спарте явно переоценивали слабость Афин. Здесь полагали, что достаточно послать в Ионию всего несколько кораблей, как афинское могущество в ионийских городах сразу же рухнет. Поэтому в Спарте считали, что основную тяжесть борьбы с афинянами и их союзниками в Ионии могут взять на себя сами восставшие города. В какой-то степени на этот шаг спартанцев толкало традиционное нежелание отправлять на длительный срок далеко за

пределы родины большое войско из-за боязни постоянных восстаний на Пелопоннесе илотов, а также катастрофическое отсутствие денег на содержание значительного флота. Кроме того, как выяснилось, традиционный союзник спартанцев Коринф, располагавший наиболее крупным флотом среди членов Пелопоннесского союза, из-за потерь в предшествующий период войны не мог предоставить большого количества кораблей для экспедиции в Ионию. Другие союзники спартанцев находились не в лучшем положении. К весне 412 г., вместо обещанных на собрании в Спарте осенью прошлого года флота из 100 кораблей, союзники спартанцев смогли подготовить всего 21 корабль, главным образом коринфских. Этот флот должен был сначала спровоцировать антиафинские восстания на островах Хиос и Лесбос, а затем идти к Геллеспонту (Thuc., VIII. 8.2). Учитывая грандиозность замышлявшегося похода, этих сил было недостаточно для захвата Ионии. Слабая подготовка похода проявлялась и в том, что по мере продвижения спартанского флота в Ионию им должны были командовать разные командиры.

Несмотря на попытку скрыть подготовку к походу в Ионию, приготовления спартанцев не остались незамеченными афинянами. Как только спартанский флот сосредоточился в коринфской гавани Спирей в Сароническом заливе, он был блокирован вышедшей из Афин эскадрой. В завязавшейся стычке афиняне нанесли большинству пелопоннесских кораблей повреждения, командовавший эскадрой спартанец Алкамен был убит (Thuc., VIII. 10.4). Несмотря на этот успех из-за сказывавшегося недостатка в кораблях афинянам не удалось добиться решающей победы.

Большого успеха в переправе в Ионию добилась другая пелопоннесская эскадра во главе со спартанцем Халкидеем и афинским перебежчиком Алкивиадом. Располагая всего пятью кораблями, Халкидею и Алкивиаду удалось незаметно выйти в Эгейское море (Thuc., VIII. 5.12). Успешно избежав столкновения с афинским флотом, который, по-видимому, не заметил или не обратил внимания на столь незначительные силы, пелопоннесские стратеги переплыли Эгейское море и прибыли в Хиос. Этих незначительных сил оказалось достаточно, чтобы против афинян немедленно восстала значительная часть их ионийских союзников (Thuc., VIII. 14.1 – 3), недовольных проводимой Афинами в предшествующий период войны экономической политикой, сводившейся фактически к простому выкачиванию из них финансовых средств.

Присоединив к своим силам корабли хиосского флота, Халкидей и Алкивиад переправились на малоазийское побережье и захватили города Клазомены и Теос, жители которых во многом добровольно перешли на их сторону. Вслед за тем стратеги склонили на свою сторону почти всю Ионию. Особенно тяжелые последствия для Афин имел переход на сторону пелопоннессцев второго их крупнейшего после Хиоса союзника в Ионии Милета (Thuc., VIII. 17.1 – 3). Значительную роль в этом принадлежала главным образом бывшему афинскому стратегу Алкивиаду, который благодаря своему аристократическому происхождению имел в малоазийских городах множество сторонников среди местной

знати, традиционно оппозиционно настроенной по отношению к имевшим демократическое устройство Афинам. Во всех освобожденных ими городах Халкидей и Алкивиад свергали стоявшие у власти демократические группировки и передавали бразды правления в руки олигархов, выступавших в течение всей войны союзниками Спарты, которая сама имела олигархическое государственное устройство.

Вместе с тем, гораздо большее значение, чем эти успехи, для последующего хода войны имело установление пелопоннесскими стратегами прямых контактов с персидским сатрапом Лидии и Карики Тиссаферном. Летом 412 г. между Халкидеем, выступавшим от имени Спарты, и Тиссаферном, действовавшим от имени персидского царя Дария II, в Сардах был заключен союзный договор. Основные статьи этого договора известны нам, в основном, в переложении греческого историка Фукидида. Как можно заключить из его слов, союз между Спартой и Персией имел антиафинскую направленность. Персия соглашалась взять на себя основные расходы по строительству и содержанию пелопоннесского флота, потребовав взамен от спартанцев признания за персидским царем «всех земель и городов, которыми владели персы», и прежде всего передачи контроля над всеми греческими общинами Ионии, которые Спарта должна была передать персам по мере их освобождения из-под власти афинян. Крупным успехом персидской дипломатии являлось также взятое спартанцами обязательство не заключать мира с афинянами отдельно от персидского царя (Thuc., VIII.18). Заключение договора в такой формулировке не только ограждало последнего от необходимости самостоятельно вести войну против Афин, но и позволяло персидской дипломатии в дальнейшем играть на противоречиях между двумя крупнейшими политическими силами Греции.

Договор в Сардах, невыгодный во всех отношениях для Спарты, отчетливо демонстрировал ее слабость, связанную с отсутствием средств для продолжения войны с Афинами, и остро нуждавшейся в финансовой помощи персов для строительства флота. Итогом его заключения стало резкое усиление влияния Персии в Пелопоннесской войне, которая, воспользовавшись представившейся ей возможностью, постепенно начинает подчинять своей власти греческие города малоазиатского побережья.

Как отразилось заключение договора между Спартой и Персией в Сардах на политическом положении греческих полисов малоазиатского побережья? Результатом его стало, с одной стороны, усиление в регионе позиций Спарты, которая, опираясь на поддержку персов, получила возможность продолжить освобождение из-под афинской власти греческих полисов побережья. В то же время заключение этого договора неизбежно приводило к росту среди местных греческих общин опасений оказаться под властью персов, которые еще со времен греко-персидских войн считались национальными врагами всех греков (Кузицин, 1986: 202). Следствием этого стало то, что значительная часть ионических греков, собиравшихся с начала второго периода войны перейти на сторону Спарты, решила сохранить верность Афинам, традиционному противнику пер-

сов. Они не только отказались примкнуть к союзу со Спартой, но и начали оказывать действенную поддержку Афинам в борьбе против спартанцев.

Таким образом, весной – летом 412 г. в Ионии союзники Афин раскололись на два враждующих лагеря. Крупные малоазийские общины Милет, Хиос, Лесбос, Родос и др. перешли на сторону Спарты. Их выход из афинской архэ способствовал началу ее развала. Этот распад мог принять больший размах, если бы спартанцы располагали в Ионии более крупными военными силами. Другие греческие общины побережья остались верными союзу с Афинами. В основном это были мелкие островные или материковые полисы. Однако среди них были и крупные общины, например, о. Самос (Thuc., VIII. 21).

Летом 412 г. события разворачивались таким образом, что обе воюющие стороны занимались преимущественно наращиванием военных сил у побережья Ионии. Воспользовавшись бездеятельностью Спарты в материковой Греции, к лету 412 г., афинянам, неимоверным напряжением всех своих сил удалось довести численность своего флота до 150 триер (Пелопоннесская война, 1996: 86). Две трети этого флота (более чем 100 триер) были немедленно направлены к берегам Ионии (Кузицин, 1986: 203). К этому времени относятся также некоторые перемены в политике Афин в отношении союзников. Стремясь не допустить окончательного развала архэ, афиняне пошли на отмену форо́са, вызывавшего наибольшее недовольство союзников, заменив его взиманием 5 % пошлины со всех провозимых через проливы Дарданеллы и Геллеспонт товаров. Одновременно, некоторым государствам, входившим в архэ, была дарована автономия, местным демократическим группировкам оказана помощь в удержании власти.

Вскоре афинянам удалось добиться нового значительного успеха, спровоцировав восстание демократической партии на Самосе, крупнейшем острове в Эгейском море, входившего в состав Афинского морского союза, но где власть до этого принадлежала олигархической партии. Опасаясь, что самосские олигархи могут передать остров в руки спартанцев, афиняне направили на Самос три военных корабля. При их поддержке местные демократы предприняли в городе государственный переворот. Власть олигархов была свергнута; демократы перебили 200 сторонников олигархической партии и еще 400 человек отправили в изгнание. На Самосе был введен демократический строй. Афины даровали самосцам автономию (Thuc., VIII. 21), рассчитывая, таким образом, еще больше укрепить свое влияние на острове.

Демократический переворот на Самосе и деятельное участие в нем Афин, равно как и последующая передача афинянами Самосу автономии, свидетельствовали о важных сдвигах в политике Афин в отношении союзников. Они показывали, что после понесенных в Сицилии тяжелых потерь Афины больше не могли строить свои отношения с союзниками только с позиции силы и стремились рядом важных уступок последним остановить развал Афинского морского союза. В то же время дарование автономии отдельным городам вовсе не означало радикального пересмотра отношений между Афинами и остальными члена-

ми архэ. Доминирующее положение в союзе по-прежнему сохранялось всецело в руках Афин (Сахненко, 1979: 40). Уступки Самосу с их стороны были не более чем ловким маневрированием, вызванным необходимостью создания у побережья Ионии опорного пункта для борьбы против отпавших от архэ городов.

Отправка афинянами большого флота к берегам Ионии стабилизировала обстановку в восточной части Эгейского моря и приостановила развал Афинского морского союза. Опасаясь ударов афинского флота с моря, греческие общины Малой Азии соглашались переходить на сторону пелопоннесцев только при условии оказания им прямой военной помощи против афинян. Однако направленные в Ионию Пелопоннесским союзом силы были сравнительно невелики. К тому же расширение района боевых действий на побережье, связанное со стремлением спартанских стратегов оторвать от Афин как можно больше союзников, неизбежно приводило к распылению даже этих незначительных сил. Это обстоятельство сразу сказалось на дальнейшем развитии событий. Предпринятый летом 412 г. пелопоннесским флотом из Милета поход на север к Геллеспонту с целью поднять восстание в расположенных по его берегам городах и тем самым перекрыть важные торговые коммуникации, связывавшие Афины с Северным Причерноморьем, откуда в Аттику ввозился хлеб, завершился крупным поражением спартанцев. По пути к Геллеспонту пелопоннесцы, большую часть флота которых составляли, по-видимому, корабли хиосцев и милетцев, подошли к о. Лесбосу. Им удалось склонить на свою сторону крупнейшие города острова Мефимну, Митилену и Эрес, в которых были установлены олигархические режимы. Однако прочно удержать в своих руках эти города пелопоннесские стратеги не смогли. Вскоре подошедшая к Лесбосу афинская эскадра взяла Митилену штурмом, уничтожив находившуюся в ее гавани небольшую хиосскую эскадру. После этого другие лесбосские города вновь вынуждены были признать власть афинян (Thuc., VIII. 23).

Поражением завершился и поход к проливам сухопутного войска пелопоннесцев вдоль ионического побережья к северу от Эфеса. Расположенные здесь греческие общины, опасаясь ударов господствующего на море афинского флота, отказались перейти на сторону спартанцев и их союзников, которые в итоге вынуждены были вернуться, ничего не добившись, по своим городам (Thuc., VIII. 19.4).

Окрыленные этим успехом афиняне решили перейти в наступление в Ионии. Операционной базой для действий афинской армии и флота здесь был Самос, ставший на долгие годы главной морской базой афинян. Основной целью своего наступления находившиеся на Самосе афинские стратеги считали захват отпавших в прошлом году греческих общин малоазийского побережья, и, прежде всего, Милета, являвшегося центром антиафинского восстания. С этой целью афинские войска на Самосе были усилены значительными подкреплениями, прибывшими из Афин, в составе 48 кораблей и 3500 чел. тяжеловооруженной пехоты под командованием трех стратегов Фриниха, Ономакла и Скиронида (Thuc., VIII. 25.1). Присоединив эти силы к уже имеющимся на

острове, афинские стратеги двинулись к Милету, полагая, что «если они захватят Милет, то все остальные города легко будет подчинить» (Thuc., VIII. 25.5). Из-за прибытия на помощь милетянам крупной пелопоннесской эскадры афиняне вынуждены были снять осаду города и отступили на Самос.

Неудача афинян под Милетом привела к тому, что недавно замиренные города Лесбоса вновь попытались перейти на сторону спартанцев. Лесбосцы отправили послов на Хиос к наварху спартанского флота Астиоху с предложением поднять восстание, если тот окажет им военную помощь (Thuc., VIII. 32.1). С частью флота Астиох подошел к Лесбосу, но афиняне также подвели к острову свои корабли, и спартанский военачальник вынужден был ни с чем вернуться на Хиос.

В обстановке напряженной борьбы за ионическое побережье Спарта вынуждена была вновь обратиться за помощью к персам, при чем острая нехватка денег на содержание флота способствовала новым уступкам спартанцев персидскому царю. После возвращения спартанского флотоводца Астиоха на Хиос между спартанцами и персидским царем был заключен новый договор. В самых общих чертах он повторял условия прежнего договора. Персидский царь повторял обязательства взять на себя расходы по содержанию расквартированной в городах ионического побережья пелопоннесской армии и флота. В обмен на эту финансовую помощь Спарта отказывалась в пользу персов от сбора дани с греческих городов побережья (Thuc., VIII. 37.2). Заключение нового договора явилось крупной дипломатической победой Персии, которая на этот раз была подкреплена и военными мерами: персидский сатрап Тиссаферн ввел в Милет царский гарнизон, получив возможность контролировать часть города. Персидские войска заняли также ряд греческих владений в Карию, Лидию, Миссию и в районе Геллеспонта. Вопреки утверждению Кэгена (Kagan, 1990: 17) о том, что новый договор между Персией и Спартой в статье о передаче персам контроля над сбором дани с греческих городов побережья касался преимущественно тех из них, которые были союзниками афинян, оккупация царскими войсками Милета и других греческих городов на побережье показывает, что персы стремились использовать договор со Спартой для захвата всех без исключения ионических городов вне зависимости от того, принадлежали они афинянам или спартанцам. Это обстоятельство не могло не обострить отношения как Спарты с ее новыми ионическими союзниками, так и ее отношения с Персией.

Официальные спартанские власти в материковой Греции остались недовольны новым договором с персами. Для проверки законности его заключения Спарта решила направить в Ионию комиссию из 11 человек, которые должны были на месте разобраться в ситуации. Прибыв в Ионию, комиссия подвергла резкой критике прежние договоры с Персией, заключенные спартанскими военачальниками Халкидеем и Ферименом. К тому же, как выяснилось, одна из статей второго договора с персами была сформулирована таким образом, что, признав ее, Спарта фактически обязана была передать под власть персидского царя не только ионическое побережье Малой Азии, но также все острова в

Эгейском море, принадлежавшие персам до начала греко-персидских войн, Фессалию и всю Элладу до Беотии. Поэтому возглавлявший спартанскую делегацию военачальник Лихас не только потребовал от персов заключения нового, более выгодного для Спарты договора, но и стал угрожать отменой двух прежних. Эти угрозы вызвали недовольство персидского сатрапа Тиссаферна, который в гневе покинул спартанский лагерь (Thuc., VIII. 43.2 – 4).

Однако война в Ионии истощила силы и Афинской архэ. Острая нехватка денег в государственной казне приводила к тому, что бремя расходов по содержанию армии и флота все больше ложилось на состоятельные слои афинского населения, в среде которого росло недовольство политикой государства. В наибольшей степени это недовольство проявлялось, прежде всего, в среде высшего и среднего командного состава афинского флота, значительная часть которого традиционно комплектовалась зажиточными гражданами, обязанными в период войны за собственный счет выставить военный корабль, командиром которого обычно и становился его владелец. По мере продолжения войны и особенно после сицилийской катастрофы, когда строительство нового флота потребовало новых огромных расходов, состоятельные граждане все больше были заинтересованы в том, чтобы усилить свое влияние на принятие афинским гражданским коллективом ответственных политических решений. Многие из них открыто связывали главную причину внешнеполитических неудач Афин с существованием в государстве радикальной демократии, при которой ответственные государственные решения принимались афинской толпой, состоявшей в массе своей из обедневших слоев граждан, которые, не неся никаких государственных расходов, получали за участие в работе Народного собрания плату из государственной казны и готовы были поэтому продать свой голос любому, кто им заплатит. Именно в непрофессионализме, крайнем радикализме решений, принимаемых толпой нередко под влиянием сиюминутных волюнтаристских настроений, состоятельные граждане видели главную причину военных поражений Афин. Не отказываясь от продолжения войны со Спартой, они полагали, что ситуацию можно исправить, введя в государстве умеренную демократию, при которой малоимущие граждане были бы устранены от управления полисом, а власть перешла в руки более зажиточных слоев населения.

Осуществлению этих планов благоприятствовали, прежде всего, важные изменения, произошедшие в афинском гражданском коллективе после сицилийской катастрофы. Как показывает исследование Р. Ю. Виппером социального состава афинского народного собрания, в наибольшей степени от разгрома в Сицилии пострадал четвертый класс афинских граждан, представленный обезземелившимися фетами, которые были главной количественной и принципиальной опорой радикальной демократии Перикла в Афинах (Виппер, С. 246). В период войны большинство фетов служили матросами на кораблях или в легкой пехоте. Поэтому вполне логично, что именно феты понесли в Сицилии наи-

большие потери¹. Как следствие этого, после 413 г., в афинском народном собрании преобладание получили консервативные элементы, выступавшие за отказ от неограниченной демократии и установление более умеренной демократии.

Как показывают данные Фукидида, антидемократические настроения впервые зародились в среде высшего командного афинского командования на Самосе (Thuc., VIII.48.1). Отсюда они перекинулись в Афины, где после сицилийского похода оживилась деятельность тайных обществ, т. н. гетерий, являвшихся оплотом олигархически настроенной части афинских граждан (Аристотель, 1936: 49, прим. 2). В январе 411 г. под их нажимом народное собрание санкционировало создание комиссии 30 пробулов, в задачу которой входила стабилизация положения в государстве. Фактически же комиссия пробулов имела целью подготовку олигархического переворота (Виппер, 1995: 246). В мае 411 г. олигархи открыто организовали государственный переворот в Афинах. Его целью, как можно заключить из источников, являлось не уничтожение демократии вообще как формы государственного устройства, а только наиболее ее одиозного проявления – радикальной демократии (Thuc., VIII. 53.3; Aristot. 29.4 – 5). Поэтому переворот произошел довольно мирно: большинство фетов находились в афинском флоте на Самосе и не могли оказать помощи оставшимся в городе сторонникам сохранения радикальной демократии, которые к тому же в отличие от олигархов были разобщены.

Олигархический переворот в Афинах привел к важным изменениям в конституции Афинского государства. Прежде всего, была отменена радикальная демократия времен Перикла. Власть была передана в руки народного собрания, в котором право решающего голоса получили теперь лишь около 5 тыс. граждан первых трех классов, обладавших определенным имущественным цензом (способным обеспечить его владельцу покупку тяжелого гоплитского вооружения) (Никитюк, 2007: 222). Фактически же власть сосредоточилась в руках Совета четырехсот, куда вошли наиболее зажиточные граждане во главе с активными участниками олигархического переворота. Совет четырехсот рассматривал все текущие дела государства и принимал решения об их представлении на обсуждение в народное собрание. Одновременно были отменены все выплаты из государственной казны лицам, которые не несли военной службы, что фактически привело к установлению в Афинах настоящей олигархии и полному отстранению от управления государством фетов, как сторонников радикальной демократии (Thuc., VIII. 67.3).

Важные последствия олигархический переворот имел для внешней политики Афин. Пришедшее к власти олигархическое правительство стремилось укрепить свое положение не только в столице, но и за ее пределами. С этой целью оно предполагало изменить внешнеполитический курс государства и обратилось к Спарте с предложением заключить мир (Souza, 2004: 177), соглашаясь

¹ По данным П. Грина, в 411 г. в афинском гражданском коллективе оставалось всего около 12 тыс. фетов, в то время как в 415 г. их было 24 тыс.

пойти на значительные уступки. Одновременно наметился поворот афинских олигархов в сторону заключения союза с Персией, что, по справедливому замечанию Р. Ю. Виппера, неизбежно было связано с готовностью уступить персам малоазийское побережье и греческие острова в Эгейском море (Виппер, 1995: 250).

Угроза передачи афинскими олигархами ионического побережья персам, в ряду многих причин, сыграла важную роль в том, что многие местные греческие общины резко враждебно встретили олигархический переворот в Афинах. Наиболее мощная волна антиолигархических настроений наблюдалась на о. Самосе. Резко негативное отношение к олигархическому перевороту в Афинах высказывали и моряки стоявшего на Самосе афинского флота (Bagnal, 2004: 38), подавляющая часть которых составляли уже упоминавшиеся феты, лишившиеся по новой конституции каких-либо гражданских прав (Юделевич, 1957: 173). Зная об этих настроениях, новое правительство в Афинах справедливо опасалось, что «масса моряков на Самосе не потерпит олигархического режима и, возмутившись, покончит с их властью» (Thuc., VIII.72.2). Чтобы успокоить войско, Совет четырехсот в Афинах решил отправить на Самос комиссию из десяти уполномоченных. Однако, прибыв на остров, она не добилаь никакого успеха (Thuc., VIII.72). Самосское войско отказалось поддержать установление олигархического режима в Афинах. Во главе недовольного войска встали стратеги Фрасибул и Фрасил. Странники олигархов на Самосе были разгромлены (Thuc., VIII.73.6).

Потерпев неудачу с признанием легитимности своей власти флотом на Самосе, афинские олигархи отказались от оказания ему какой-либо военной и финансовой помощи. Размещенные здесь войска вынуждены были отныне обходиться исключительно скудными ресурсами Самоса и поддерживавших демократию городов малоазийского побережья.

Раздоры в афинской гражданской общине, связанные с установлением олигархии в Афинах, самым негативным образом повлияли на взаимоотношения афинян с их союзниками внутри архэ. После олигархического переворота в Афинах приостановившийся было распад Морского союза возобновился с новой силой. В немалой степени этому способствовало то, что правительство четырехсот рассчитывало объединить входившие в архэ греческие государства не на демократической, а на олигархической основе. Поэтому афинские олигархи стремились сокрушить демократию в союзных Афинам государствах и заменить ее господством состоятельных групп населения, чтобы продолжать затем борьбу против Спарты, опираясь на силы всего союза (Юделевич, 1957: 173).

Как показали последующие события, для осуществления этого плана афинские олигархи не имели ни финансовых (Wode – Gery, McGregor, 1950: 359), но что самое главное людских и военных сил. Вследствие этого местные олигархические группировки там, где они не имели возможности захватить власть в своих общинах собственными силами, стали обращаться за помощью не в олигархические Афины, а напрямик к находившимся поблизости спар-

танским военачальникам. Однако если одни государства отпали от Афин потому, что желали перейти на сторону Спарты, то другие стремились выйти из архэ вследствие своей приверженности к демократическому строю и неприятия олигархии. Летом 411 г. о своем выходе из архэ объявили многие города Эвбеи (Thuc., VIII. 97.7) и греческие полисы, расположенные по берегам Геллеспонта. Одновременно от афинян отпал стратегически важный о. Фасос (Thuc., VIII. 64.1 – 4), запиравший прежде спартанскому флоту доступ в проливы. Все эти восставшие города вскоре поспешили вступить в Пелопоннесский союз. Одновременно с распадом Афинского морского союза активизировались действия спартанской армии и флота. Весной 411 г. спартанский военачальник Деркилид с небольшим отрядом вышел из Милета и, продвинувшись вдоль побережья на север, занял ряд расположенных в проливах городов, входивших в Афинский союз (Thuc., VIII. 61 – 62.1). Неоценимую помощь при взятии спартанцами Абидоса, древней колонии милитян, им оказали местные олигархи. Один за другим в районе проливов в руки спартанцев перешли Византий, Лампсак, Кизик и другие крупные города побережья. Вошедший в проливы спартанский флот перерезал важную «хлебную» дорогу, по которой в Афины шли корабли с зерном из Северного Причерноморья. Одновременно спартанский флот атаковал афинские корабли на Самосе, но афиняне из-за внутренних разногласий не вышли на битву (Thuc., VIII. 79.2).

Тем не менее военные неудачи афинян не привели к коренному изменению политической обстановки в Ионии. Разгром спартанцами флота афинских олигархов в битве у Эретрии (Diod., XIII. 34.2) и неудачная попытка возглавлявшего афинское олигархическое правительство Фриниха заключить мир со Спартой, при одновременно ширившейся оппозиции олигархам среди афинского населения, привели, после трехмесячного правления, в сентябре 411 г. к свержению в Афинах непопулярного и окончательно дискредитировавшего себя правительства Совета четырехсот. Власть перешла в руки более умеренного правительства пяти тысяч (Thuc., VIII. 97.1), а затем в Афинах был восстановлен демократический строй.

Зимой 411 – 410 гг. основным театром военных действий стали проливы. Потерпев неудачу добиться финансовой поддержки от сатрапа персидской Лидии Тиссаферна, Спарта умело использовала обострившиеся отношения между Тиссаферном и сатрапом персидской Фригии Фарнабазом и обратилась к последнему с предложением заключить союз против афинян на тех же условиях, что и с его предшественником, т. е. согласия финансировать содержание спартанского флота в обмен на передачу под его контроль греческих городов, расположенных в районе проливов. С этой целью в распоряжение Фарнабаза спартанцы направили 40 кораблей (Дандамаев, 1985: 200).

Однако в целом, в районе проливов повторялась та же ситуация, что и в Ионии. Расположенные по берегам Геллеспонта греческие общины переходили на сторону спартанцев только в том случае, если те оказывали им прямую военную помощь. Борьба за контроль над проливами, игравшими ключевую роль в

обеспечении Афин продовольствием, привела к концентрации обеими враждующими сторонами в Геллеспонте крупных военных сил. Рассчитывая укрепить свой флот, афиняне вернули из изгнания одного из наиболее амбициозных и талантливых военачальников Алкивиада (Diod., XIII. 41 – 42), который к этому времени рассорился со своими спартанскими покровителями. В октябре 411 г. в проливах в сражении у Кизика афинский флот под командованием Алкивиада нанес поражение пелопоннесскому флоту (Thuc., VIII. 104 – 106; Diod., XIII.39 – 40). В следующем 410 г. афиняне одержали вторую крупную победу над пелопоннесским флотом при Абидосе (Xen., I.5 – 6; Diod., XIII. 45 – 46). Общие потери спартанцев в этих двух сражениях составили около 200 триер. К концу 410 г. афинянам не только удалось прочно укрепить свои позиции в проливах, но и «совсем изгнать лакедемонян из моря» (Plut., Alk. 28). Однако победа также дорого досталась афинянам, потери которых в течение этого времени составили около 100 триер.

Таким образом, основная причина неспособности Спарты и ее союзников использовать поражение афинян в Сицилии для нанесения решающего поражения Афинам в материковой Греции заключалась в отсутствии у них в начальный период Декелейской войны мощного военного флота. Развал Афинской архэ шел, прежде всего, изнутри, однако пока афинский флот сохранял господство на море, Афинам удавалось удерживать под своим контролем большую часть островов Эгейского моря и проливы. Дальнейшие события показали, что для окончательной победы над Афинами Спарте необходим был военный флот.

Список литературы

- Aristot. = Аристотель. (1936) Афинская полития / Пер. с древнегреч. С. И. Радцига. М – Л.:
- Diod. = Диодор Сицилийский. Историческая библиотека в 40 кн. // <http://simposium.ru/ru/node/863> [дата обращения: 05.12.2012]
- Xen. = Ксенофонт (2000). Греческая история / Пер. с древнегреч. С. Я. Лурье. СПб.: Алетейя.
- Plut. Alk. = Плутарх. Алкивиад // Избранные жизнеописания. В 2 т. / Пер. с древнегреч. Т. 1. М., 1990. С. 351 – 388.
- Thuc. = Фукидид (1999). История / Пер. с древнегреч. Г. А. Стратоновского. М.: Ладомир.
- Арский Ф. (1971) Взлеты и падения Алкивиада // Прометей. Т. 8.
- Виппер Р. Ю. (1995) Пелопоннесская война и кризис демократии // Избранные сочинения в 2 т. Т. 1. Ростов н/Д: Феникс.
- Дандамаев М. А. (1985) Политическая история Ахеменидской державы. М.: Наука.
- Никитюк Е. В. (2007). Олигархический переворот в Афинах в 411 г. до н. э. и конституция Пяти тысяч // Мнемон. Вып. 6. СПб.

Пелопоннесская война 431 – 404 гг. до н. э. (1986) // История Древней Греции / Под ред. В. И. Кузицина. М.: Высшая школа.

Пелопоннесская война (1996). // Всемирная история: В 24 т. Т. 4. Эллинистический период. Минск: Литература.

Печатнова Л. Г. (2002) История Спарты (период архаики и классики). Спб.: Гуманитарная Академия.

Сахненко Л. А. (1979). Аристофан и афинские союзники // Вестник древней истории. № 3.

Хаммонд Н. (2003) История древней Греции. М.: Центрполиграф

Юделевич А. И. (1957). К вопросу о хронологии некоторых событий социально-политической борьбы в Афинах в 411 г. до н. э. // Ученые записки Калининградского пед. ин-та. Вып. 3.

Bagnall N. (2004) The Peloponnesian War: Athens, Sparta and the struggle for Greece. London: Pimlico

Davies J.K. (1978) Democracy and Classical Greece. Atlantic Highlands, New York: Humanities Press.

Green P. Armada from Athens. New York, 1970.

Kagan D. (1990) The fall of the Athenian empire. Ithaca; London: Cornell University Press.

Lazenby J. F. (2004) The Peloponnesian War. A military study. London; New York: Routhledge

Souza Ph. (2002). The Peloponnesian War 431 – 404 B. C. Oxford: Osprey Publishing.

Souza Ph. (2004). The Greeks at War: From Athens to Alexander. Oxford: Osprey Publishing.

Wode-Gery H. T., McGregor F. (1950) The Athenian Tribute List. Volume III. Princeton; New Sersey: ASCSA.

Инков Александр Александрович - кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Московского гуманитарного университета.

Inkov Alexander Alexandrovich – Candidate of Science (history), Assoc. Prof., associate professor of History Department of Moscow University for the Humanities.

**Реконструкция праславянской обрядности: календарные обычаи
Алексеев С.В.**

**The reconstruction of the Proto-Slavonic ritual: calendar ceremonies
Alekseev S.V.**

Аннотация: В статье предлагается реконструкция календарной обрядности праславян в период пребывания на прародине.

Ключевые слова: праславяне, обряды, праздники, фольклор

Abstract: In this article we propose a reconstruction of the calendar ceremonies of Proto-Slavs while staying in the homeland.

Keywords: Proto-Slavs, rituals, festivals, folklore

Настоящая статья является продолжением исследования, посвященного духовной культуре праславян в период их пребывания на прародине (Алексеев, 2011; Алексеев, 2013).

С религиозно-мифологической картиной мира, естественно, теснейшим образом связан земледельческий календарь. Его основные составляющие являются изначально общими для различных славянских народов. Отчасти они восходят к индоевропейской эпохе. Есть, однако, черты, восстанавливаемые с трудом или вовсе не поддающиеся восстановлению. Так, вполне очевидно, что в первобытную эпоху ключевыми персонажами календарных праздников являлись языческие жрецы. Однако материалы нового времени далеко не всегда позволяют распознать среди участников обряда их «заместителей».

Неделя праславян, как и их индоевропейских предков, являлась семидневной. «Числительные» обозначения дней недели («вторник», «четверг», «пятница», а также примыкающая по смыслу «среда/среда») – древнейшие. Древние обозначения «первого», «шестого» и «седьмого» дней были утрачены гораздо позже, под влиянием христианской культуры. Отдельные дни недели могли, как и у германцев, считаться посвященными тому или иному божеству языческого пантеона. Так, четверг считался «Перуновым днём», а обрамляющие его среда и пятница ввиду названий женского рода могли соотноситься с женским божеством.

Календарь славян изначально был лунным, или пережитки лунного календаря долго сохранялись. Это очевидно и из самого названия «месяц», и из многочисленных припоминаний о лунном счёте времени в народном быту. Однако реалии земледельческой жизни славян, как и других европейских народов, побуждали их больше внимания уделять солнцу. Основные праздники годового цикла издревле, ещё с дославянской поры, привязывались к дневному светилу – так что календарь славян с неизбежностью становился лунно-солнечным. Конечно, в первобытном обществе славян, в отличие от Греции или Италии, некому было проводить «календарные реформы». Потому переход от одних форм календаря к другим должен был являться длительным и неповсеместным. В

разных «родах» в какие-то периоды могли господствовать разные принципы счисления года.

Именно это допущение позволяет лучше понять тот разнобой в определении времени начала года, который чувствуется в славянском народном календаре. У славян и у ряда других европейских народов, начало года колебалось от поворота солнца «на лето» в конце декабря до начала трудового цикла в марте. Последний вариант какое-то время на заре славянской истории преобладал, и славяне не раз обращались к нему позднее. Именно в связи с этим слово «яро» (изначально, видимо, – «год, новогодие») было перенесено на весеннее оживление земли и природы, дав в этом значении ряд праславянских производных (См.: ЭССЯ, 1981: 172-180)¹. Вместе с тем, даже в тех культурах, которые приняли «мартовское» начало года, праздничный земледельческий календарь начинался зимой. Зимние празднества, начиная с поворота солнца «на лето», как бы готовили собственно начало земледельческого года и полевых работ². Точно такой же разнобой, как в европейских календарях нового времени, мы видим и у различных племен Нуристана³.

Деление года на двенадцать месяцев опять-таки восходит к индоевропейской эпохе. Правда, не исключено, что протяженность месяцев всегда варьировалась от местности к местности и от года к году, определяясь наблюдениями и мнениями следивших за этим лиц – опять же как это было в языческом Нуристане (См.: Йеттмар, 1986: 143-145, 161-162). Древнеславянские названия месяцев сплошь «говорящие», имевшие конкретный смысл для древних селян, – и в силу этого довольно текучие, варьировавшиеся у разных славянских народов. Есть, впрочем, и некоторые праславянские – как «серпень» (июль-август, месяц начала жатвы) и «листопад» (октябрь-ноябрь) (Фасмер, 1987а: 610; ЭССЯ, 1988: 145.).

Напротив, деление на времена года в индоевропейскую эпоху ещё не устоялось. До известной степени сбивчивым оставалось оно и позднее в славянской народной культуре – «лето» не очень чётко отграничивалось от «весны». По некоторым мнениям, первоначально летом и считалась вся «тёплая пора». Это соответствует воссоздаваемому исходному значению слова «лето» – «тёплое, мягкое, благожелательное к земледельцу время». Однако в целом представления о «лете» как особой поре и, соответственно, о четырёх временах года, у праславян уже прижились и остались общеславянскими. В мифологической картине мира это время года соотносилось с югом, с южным ветром, полуднем, вообще с животворящей силой тепла (ЭССЯ, 1988: 8-12).

¹ Лишь вторично смешано со словом «ярый» и его производными типа «ярить», «ярошь» и т.д. (см. там же).

² Идея, обоснованная, в частности, в работе В.И.Чичерова (Чичеров, 1957). О весеннем новолетии у славян см. также: Агапкина, 2001: 135-151.

³ В северном Кафиристане и долине Вайгал начало года отмечали в марте, на весеннее равноденствие или после (Йеттмар, 1986: 148-149, 161). Однако у ашкунских кафиров с их более примитивным хозяйственным укладом новый год наступал в январе (Там же: 169).

Однако вернемся к зиме, с которой, как сказано выше, начинался славянский праздничный год. В народном календаре нового времени обычаи и обряды, приуроченные в языческую эпоху к зимнему солнцевороту, рассредоточились по разным дням и перемешались. Однако всё же ясен целый ряд черт, восходящих к языческим временам – в том числе и к праславянской эпохе.

Основной идеей празднества солнцеворота, поворота солнца на «лето», являлась победа огненного светила над силами косности и хаоса, злыми и опасными, которые властвовали над миром с начала зимы. При этом то, что совершалась эта победа посреди зимы, придавало празднованию дополнительной торжественности. С начинающимся увеличением длительности дня – первым предвестием летнего тепла – наступала пора и строить планы на грядущий год. Соответственно, совершались гадания и благотворные магические ритуалы. Они составляли другую важнейшую сторону празднования.

К празднику готовили специальную, только для этого случая, мучную трапезу. Праздничные хлебы или печенья различались позднее у разных славянских народов, но само их изготовление было общеславянской чертой. Исходной формой был, вероятно, большой округлый хлеб (См.: Чичеров, 1957: 75-77; Календарные обычаи, 1973: 210-211, 244, 271; Этнография, 1987: 382.). Этим трапеза, однако, не ограничивалась. У всех славян сохранились следы животных жертвоприношений к празднику. Откармливали и забивали для ритуальной трапезы разных домашних животных – но чаще всего (и повсеместно у славян) свиней (См.: Чичеров, 1957: 78-80; Календарные обычаи, 1973: 211, 244-245, 274; Этнография, 1987: 382; Байбурин, 1993: 134-135.). Свинья не обретается среди священных животных древнеславянской религии – но её дикий «двойник», кабан, у славян особо связывался в раннее средневековье с солнечными божествами¹.

Общеславянским был и обычай заносить в дом последний сжатый сноп и рассыпать по полу солому (или сено). Это был важнейший ритуал, обеспечивающий плодородие в наступающем году. Своеобразной кульминацией магических действий являлся обряд, составные части и формулы которого почти буквально совпадают почти у всех славянских народов. Глава семьи (изначально родовой жрец?) прятался за внесённым в дом снопом (иногда за обрядовым хлебом) и спрашивал домочадцев, видно ли его. Они отвечали, что не видно. Тогда хозяин произносил благопожелание – чтобы в наступающем году так же его не было видно и в поле за поднявшимися хлебами (См.: Календарные обычаи, 1973: 210, 254; Этнография, 1987: 382)².

¹ Вепрь почитался как животное воплощение солнечного бога Радгоста Сварожича у полабских славян (Иванов, Топоров, 1995: 349).

² У болгар конкретно этот обряд не сохранился. Но его пережитком, видимо, является обычай хозяину ходить по дому в сочельник пригнувшись – чтобы так же пригибались к земле колосья (см.: Календарные обычаи, 1973: 272). Обряд впервые зафиксирован ещё в средние века применительно к славянам острова Рюген, у которых приурочивался к празднику урожая. Здесь за обрядовый хлеб прятался жрец, возглавлявший ритуал (см.: Толстой, 1984: 5-

Кульминацией же всего празднования являлись зажжение ритуального костра, на котором сгорало специально заготовленное полено. У славян этот обычай сохранился на Балканах, где сохранялось и древнее название полена «бадняк». Дерево или полено, которое чествовали в начале праздника как живое, в итоге подвергалось ритуальному сожжению. Последнее знаменовало переход от прошлого к будущему, от старости к обновлению, от косной зимы к плодородному лету. Огонь ритуального костра наделялся магическими свойствами. Верили, что он отгоняет злых духов, а пепел с него использовался в качестве своеобразного волшебного «удобрения»¹. Здесь явственно видны следы мифа о победе небесного божества над противником, воплощающим гибельные, но и животворящие силы потустороннего мира. Из останков сожженного небесным огнем «старого бога» рождается новая жизнь.

Другие важные ритуалы были связаны с почитанием воды. Ей приносили особые жертвы ради будущего блага. Самую важную роль вода играла в гаданиях, которые совершали девушки, пытаясь определить будущего суженого или время выхода замуж. Общеславянский, наиболее распространённый ритуал такого гадания – когда девушки бросали в воду зерна или металл (расплавленное олово, перстни и т.д.). Будущее при этом определялось по пению гадающих или по иным признакам. Этот ритуал во многом совпадает с теми жертвоприношениями воде, которые совершала вся семья ради будущего процветания. Возможно, изначально это был один и тот же обычай (см.: Чичеров, 1957: 85²; Календарные обычаи, 1973: 205, 214-216, 220, 236-238, 252, 258, 260, 275; Этнография, 1987: 382)³.

Неотъемлемая составная часть «святочных» обычаев всех славян – обход домов ряжеными. В позднейшей славянской традиции повсеместно сохранились три варианта «святочного» гостевания. Первый – полазничество. Полазником именовался первый гость, посетивший дом после начала празднования. По тому, кто это будет, гадали о будущем годе. Приход полазника ожидался и обставлялся различными ритуалами. Есть предположение, что изначально в роли полазника выступало загоняемое в дом животное (скорее всего, овца). Люди-полазники в новое время часто рядились в животных⁴.

72).

¹ О южнославянских ритуалах см.: Календарные обычаи, 1973: 243, 245-247, 250-252, 259-262, 269-272. У западных славян сжигание дерева на рождественском огне не сохранилось, однако сохранилось и чествование деревьев, и восприятие праздничного огня как священного (Там же: 213-214). У русских ритуальные костры жгли в новое время раньше Рождества, но тоже в честь поворота солнца, на «Спиридонов поворот», их огонь также наделялся сверхъестественными свойствами (Чичеров, 1957: 64-65).

² Ср. еще близкие подблюдные гадания (Чичеров, 1957: 96-97).

³ В позднейших обрядах воду могло заменять зеркало, что, видимо, указывает на особую роль в ритуале отражения человеческого лица.

⁴ Полазничество сохранилось у всех южных и западных славян (Календарные обычаи, 1973: 208-209, 241-242, 268-269). У восточных имеются лишь сомнительные упоминания (Чичеров, 1957: 88).

Вторым вариантом являлось колядование – ночной обход домов детьми, молодежью, иногда ряжеными с песнями-благопожеланиями. В колядках семейству сулился богатый урожай и иной прибыток – в случае, если хозяева одарят колядующих. В противном случае колядующие грозились разнести или проклясть дом. С колядованием были тесно связаны часто ночные же шествия ряженных – в новое время, впрочем, обычно совершавшиеся отдельно. Ряженные разыгрывали сложные ритуальные представления, также имевшие в древности магический смысл (см.: Чичеров, 1957: 115 след., 166 след.; Календарные обычаи, 1973: 216-229, 237-242, 251, 257, 259-260, 270, 272-274, 276, 279-280; Земцовский, 1975: 31-58; Этнография, 1987: 382-383; Байбурин, 1993: 131-133; Пропп, 1995: 115-132)¹. Наиболее распространены у всех славян были личины, изображавшие священных домашних животных, воплощавших плодоносящие силы природы – коня, козла, быка. Не исключено, что в глубокой древности эти животные действовали в обряде непосредственно, – например, на коне благожелатель въезжал в дом. Впрочем, надо отметить и то, что при всей распространённости ни одна из этих «масок» не известна всем славянам (см.: Чичеров, 1957: 198-201; Календарные обычаи, 1973: 219, 224-226, 256, 276-277; Маслова, 1984: 111-113.). Довольно распространено было при ряжении переодевание мужчин в женщин и иногда наоборот (специально об этом см.: Чичеров, 1957: 201).

Некоторые мотивы, а иногда и словесные формулы в славянских колядках, судя по совпадению у разных славянских народов, очень древнего происхождения. Это, прежде всего, разные по форме пожелания «жита», богатого урожая (см.: Круть, 1978: 10-11.). Ярким общеславянским образом колядной поэзии является упоминаемое в зачинах огромное плодоносящее дерево. Исходно, вероятно, оно понималось как связующая ось мира, по которой к хозяину дома сойдёт призываемый бог-покровитель, обеспечивая богатство и плодородие². К праславянской эпохе восходит ритмика и многие особенности исполне-

¹ Интересно, что при этом само славянское название «коляда» («праздник рубежа месяца, года») явно не старше поздней древности – раннего средневековья, поскольку является заимствованием из латинского. Оно, однако, распространилось во всех славянских диалектах (ЭССЯ, 1983: 134-135) и приложилось к гораздо более древней, действительно общеславянской ритуальной практике. В.Я. Пропп (Пропп, 1995: 46-48) считал первоначальным славянским обозначением обычая слово «овсень», что можно сопоставить с действительно древними корнями этого понятия или мифологического имени. Однако слово «овсень», «авсень», «усень» известно исключительно русским, что делает сомнительной его праславянскую древность. Возможно как балтославянское происхождение, исконное родство с балтским мифологическим «Усиньш», так и заимствование только восточными славянами из какого-то близкого им, а нам уже неизвестного периферийно-балтийского языка. Тогда «авсень» может оказаться не старше «коляды». М.Фасмер же считал его чисто русским производным от «овсень» (весна) и отрицал прямую связь с «усень», которое, впрочем, производил из того же источника (Фасмер, 1986: 59; 1987b: 170). При таком варианте вопрос о праславянской древности, вероятно, вообще не встаёт.

² Эта тема сохранилась у южных славян, однако сам образ дерева отложился и в восточнославянской, и в западнославянской колядной поэзии (Виноградова, 1982: 166-167).

ния колядок у большинства славянских народов (см.: Гошовский, 1971: 81-139)¹.

И ползничество, и ряжение, и колядование – следы, возможно, одного и того же обычая, тождественные в самых своих корнях. Члены ритуальных союзов, – в основном неженатая молодежь, – объединяясь для празднования, как бы перевоплощались во властвующие праздничными ночами сверхъестественные силы. Эти силы соотносились и с божествами (в их животных обликах), и с потусторонними духами, и с духами предков. Идея почитания последних, их незримого присутствия на земле в ночь празднования, подспудно проходит через все обычаи солнцеворота. С умершими, с существами из иного мира, соотносятся и священное дерево, и ползник, и диковинные личины ряженных.

Силы иного мира могут быть благи к людям, которые уважают их и откупаются от них, даруя им хотя бы символические подношения – но могут и причинить вред. Можно не сомневаться, что в праславянской древности (да иногда и позднее) дурные пожелания скупым хозяевам со стороны ряженных и колядующих были отнюдь не пустыми угрозами. В то же время поворотом солнца на лето завершался короткий период в году, отведенный для буйства потустороннего – а в древности и для всевластия мужских и женских «тайных» союзов².

Однако в связи с переносом нового года на весну именно её приход становился логичной кульминацией новогоднего цикла. Исконно, в первобытном европейском календаре начало весны связывалось с мартовским равноденствием. Некоторые зимние обряды дублировались в мартовские дни. Относилось это и к ряжению. У всех славянских народов к встрече весны приурочены шествия ряженных, причём некоторые их маски общеславянские. Это относится к животным маскам, отмеченным и в зимних обрядах – тура/быка, коня/кобылы, медведя. Их устойчивость даже наводит на мысль об их появлении именно в весеннем празднестве. В глубокой древности животным маскам могло предшествовать непосредственное участие животных в обряде. В весенних действиях ряженных более или менее явно присутствовали эротические мотивы – что являлось как обычным для них нарушением табу, так и магией плодородия (см.: Календарные обычаи, 1977: 202-203, 221-224, 228, 238, 244-248, 278-281; Соколова, 1979: 32-34, 49-50; Маслова, 1984: 114-115.)³.

¹ И.И.Земцовский оспаривал мнение В.Л.Гошовского о вторичности русских колядных напевов по отношению к другим славянским (Земцовский, 1975: 35).

² Наиболее явные следы языческих ритуальных союзов (а по сути – сами они почти в первоизданном виде) сохранились до нового времени у болгар (Календарные обычаи, 1973: 276-277). В восточнославянской народной традиции ряжение на святки также ощущалось как языческий пережиток – рядившиеся считали своим долгом очиститься, искупавшись в крещенских прорубях (Этнография, 1987: 384). Как и у болгар, завершение святочного цикла подводило временно черту под существованием «дружин» ряженных. О переходном периоде, предшествующем наступлению (в итоге весеннего) нового года, как «плохом времени», см.: Агапкина, 2001: 31-71.

При всём сходстве, весенние и зимние шествия ряженных имели и существенное отличие. Зимой ритуальные союзы, воплощавшие разнузданные и могущественные силы «инога мира», оставались в своём праве, и бесчинства их, действительные или обрядовые, оставались без воздаяния. Весной так длилось лишь до поры. Кульминацией обряда становилась инсценировка смерти и воскресения мужского божества, воплощающего животворящие силы. Вождь («царь») ряженных при этом убивался, нередко ими самими. Затем являлся новый, как бы «воскресший» вождь (не исключено, что в этой роли издревле выступал настоящий племенной вождь-владыка), и ряжение завершалось. Конечно, в ритуалах нового времени этот древний обычай уже не уцелел непосредственно. В христианскую эпоху убийство только инсценировалось, а то и заменялось сожжением чучела или какого-то иного предмета. Однако даже в последнем случае в фольклоре, в том числе в обрядовых песнях, нередко сохранялась память о древней сущности происходящего. С другой стороны, уже в глубокой древности убиение человека могло заменяться животной жертвой. В роли жертвы выступали священные животные – тур (бык) или медведь. Отсюда инсценировки «убийства» соответствующих масок в новое время.

В наиболее чистом виде пережитки древнего ритуала сохранились у южных славян, особенно у болгар с их «кукерскими» игрищами. У северных (восточных и отчасти западных) славян мужская жертва позднее заменилась женской, а затем – уничтожением чучела или «одежды» женского божества, воплощающего зиму и смерть. Однако характерно, что даже в этих случаях нередко у чучела был мужской спутник-ряженный или двойник, а то и изображался женский персонаж переодетым мужчиной (см. о соответствующих обрядах разных славянских народов: Календарные обычаи, 1977: 203, 204, 206-210, 223, 226-227, 228-230, 238-239, 247, 249, 251, 252, 275, 278-279; Соколова, 1979: 13-35, 54, 57-58, 143-144). Всё это остатки более древнего ритуала – на взгляд современного человека мрачного, но для первобытных предков важного и даже радостного. Целью его было обеспечение плодородия полей и всей природы через щедрую жертву Земле. С другой стороны, жертва воплощала небесного бога (Солнце или Перуна), гибнущего в борьбе с силами нижнего мира, но воскресающего, причём в лице своего «потомка» – священного вождя. Мать-Земля в этом неразрывном мифологическом и обрядовом единстве выступала разом как

³ Об эротизме масленичной обрядности различных славянских народов см.: Агапкина, 2001: 183-200. В связи с общеславянским распространением не только самого обычая рядиться на весенний «карнавал», но и отдельных животных масок, трудно согласиться с точкой зрения (Соколова, 1979: 50) о вторичном и позднем переносе у восточных славян на масленицу святочного ряжения. Дублирование шествий ряженных на святки и масленицу явно восходит ещё к праславянской эпохе и связано с колебаниями в определении начала года. Более того, не исключено, что «масленичное» ряжение в некоторых отношениях первично – тем более, что имеет широкие параллели в европейских карнавальных обрядах. Столь же трудно, впрочем, согласиться и с мнением о «переносе» с весны на зиму колядования (Круть, 1978: 12). Более вероятно, что обходы дворов с благопожеланиями типа колядных песен совершались издревле в обе кульминации новогоднего цикла (Земцовский, 1975: 30).

дарительница и губительница, порождающая и погребаящая в себе людей и богов.

Все остальные обрядовые действия, связанные с встречей весны, являлись своеобразным обрамлением основного ритуала, и нацелены были на то же самое – обеспечить плодородие, добрую погоду, хороший урожай в будущем. Этому посвящались магические заклинания и благопожелания, которыми сопровождалось празднование. Они известны всем славянским народам, хотя приурочиваться могли позднее к разным дням календаря (Календарные обычаи, 1977: 204, 209, 222-223, 244, 279; Соколова, 1979: 60, 80-82, 124-140.). Другим магическим действием, призванным обеспечить высокий урожай, «дотянуться до неба», являлись ритуальные прыжки, подскакивания. Нередко они становились частью обрядовой пляски, но могли совершаться и сами по себе. В обряде встречи весны они были важным действием, но совершались и позднее (Календарные обычаи, 1977: 205-206, 224, 241, 249, 254, 279)¹. С улучшением погоды прыжки могли заменяться, с одной стороны, кувыранием или катанием по ниве, с другой – качанием на качелях. В основе последнего действия, типично славянского, лежала та же самая идея – «дотянуться до неба». Качание, известное большинству славянских народов (отметим, что прыжки, в той или иной форме, – всем), продолжалось до начала или даже середины лета (Календарные обычаи, 1977: 214-215, 249, 252, 254, 260, 265, 278, 287, 289-290; Соколова, 1979: 117-118)². С другой стороны, подобно летним прыжкам через огонь, качание на огромных древесных качелях было в древности действием рискованным, содержащим элемент вызова и возможной жертвы божеству. На это указывает, в частности, и южнославянский миф о том, что качели сотворил бог-Солнце, чтобы унести на небеса приглянувшуюся ему девушку (Песни южных славян, 1974: 25-27.).

Наконец, ещё одним совершавшимся при встрече весны и позднее, вплоть до начала полевых работ, магическим действием являлась имитация пахоты и сева. Земледельцы «обрабатывали» землю настоящим плугом или бороной, либо возили их, разбрасывали по двору или полю немного зерна, или просто золу, – предвещая грядущую страду. Наиболее распространён обряд «опахивания» села кругом, иногда с заходом во дворы. Ему придавался различный, в том числе обережный, защитный смысл. Многие указывают на то, что в древности обряд совершали члены ритуальных или «тайных» союзов – мужских и женских, – и он был запрещен для непосвященных. Во всяком случае, ритуал обычно совершался людьми определенного пола и возраста, либо с чётким распреде-

¹ У восточных славян прыжки на масленицу отмечены эпизодически – в виде заимствованного из купальской обрядности прыгания через костер (Соколова, 1979: 85). Зато хорошо известны катание и кувырание по полю, а также и особенно – качание на качелях.

² Из неславянских народов Европы качели в весенней обрядности отмечены у немцев Тюрингии (Календарные обычаи, 1977: 148), финнов (Там же: 129), румын (306), албанцев (318, 320) и греков (331, 334) – то есть у соседей раннесредневековых славян VII-XI вв. н.э., обильно смешивавшихся с ними.

лением обязанности между полами. В упомянутых же кукерских играх болгар, к примеру, «сев» производили ряженые непосредственно перед убиением «царя». Почти повсеместно распространена связь опахивания села с культом близнецов. Близнецы-люди участвовали в опахивании, пахали на близнецах-волах, приносили в жертву Земле двойню черных петухов (Календарные обычаи, 1977: 207, 224, 247-248, 252, 279; Соколова, 1979: 39, 93, 105-107, 113-114; Байбурин, 1993: 148-149; Агапкина, 1995: 287-288; Толстой, 1995: 52; Агапкина, 2001: 176-182.). Почти наверняка изначально опахивание было женским «таинством», напоминанием о тех временах, когда весь круг земледельческих работ оставался в руках женщин. В праславянском обществе женщины уже не могли возделывать землю – но отмечали свою особую связь с ней символическим началом пахоты. Именно как женский ритуал, настрого запретный для мужчин, – правда, уже без жёсткой временной приуроченности, опахивание долго сохранялось у восточных славян.

Наряду с магией плодородия, была у праздника встречи весны и другая сторона. Это была пора окончательного подведения итогов минувшего года – в том числе разного рода посвятительных обрядов, отмечавших взросление молодых членов общины. С наступлением нового года они переводились в новые половозрастные группы – подростки вступали в молодость, молодожены во взрослую жизнь. Ритуал включал посвятительные испытания новичков, одаривание ими старших и завершался обрядовой трапезой (Календарные обычаи, 1977: 205, 224, 247, 262, 278, 282; Соколова, 1979: 38-46, 60-61, 134-141). С другой стороны, посрамлению подвергались те совершеннолетние, кто не вступил в брак в минувшем году. Особенно доставалось незамужним девушкам. Почти общеславянским являлся обычай привязывать им колодку, брусочек или даже бревно – освобождая только за выкуп (Календарные обычаи, 1977: 203-205, 225-226, 247, 252; Соколова, 1979: 54-57; Байбурин, 1993: 137-138; Агапкина, 2001: 203-244)¹.

Наказание неженатых парней и нередко принуждение их к сговору было важной частью специфически женских обрядов, совершавшихся в основном девушками и молодыми женщинами. Своеобразные женские ритуальные «сестричества» играли немалую роль в главном весеннем празднике. Они устраивали собственные собрания, в начале закрытые для мужчин, совершали магические ритуалы, исполняли благопожелания. Лишь к концу ритуала могли быть призваны холостые, чью судьбу на следующий год надлежало определить (Календарные обычаи, 1977: 203-204, 224-225, 238-239, 251, 255, 278, 283-286; Соколова, 1979: 48-49, 75-76, 90-91). Весь новогодний цикл празднования проходил под знаком соперничества, состязания половозрастных (реже кровнородственных) групп (см.: Агапкина, 2001. 89-103). Иногда обрядовое противостояние юношей и девушек кульминировало в центральном жертвоприноше-

¹ У болгар можно упомянуть ритуальные бесчинства кукеров, в частности обычай дотрагиваться деревянным фаллосом до бесплодных женщин с целью магического «оплодотворения» (Календарные обычаи, 1977: 279).

нии (в христианскую эпоху – в его имитации). Не исключено, что изначально жертвоприношение совершалось именно женщинами, служительницами Богини-Матери по определению.

Из других общеславянских составляющих празднования встречи весны следует назвать праздничную трапезу. У разных славянских народов нового времени она различалась (что было связано, в том числе, с разницей постных правил христианства) – но готовившиеся кушанья всегда воспринимались как ритуальные (см.: Календарные обычаи, 1977: 203, 226, 248, 277; Соколова, 1979: 46-48, 53-54, 60). Большую роль в ритуалах встречи весны играли обрядовые огни и костры. Священному огню придавались магические и обережные свойства (Календарные обычаи, 1977: 207, 221¹, 248, 250, 277-278; Соколова, 1979: 20-24).

Встреча весны открывала период подготовки к весенним полевым работам. Первой реальной пахоте и севу предшествовали разнообразные обрядовые действия. Не исключено, что ритуалы нового времени являлись остатками древнего празднования дохристианской эпохи, разнесенного на долгий период великопостным календарем². Основное содержание этих ритуалов – магия плодородия. Наряду с уже упоминавшимся качанием на качелях, общеславянским повторяющимся весь период перед весенней страдой (и во время её) обрядом было хлестанье друг друга ветвями или прутьями. В христианскую эпоху чаще всего использовалась верба – не исключено, что и в дохристианскую тоже. Хлестали друг друга юноши и девушки, сопровождая это благопожеланиями, хлестали также скот. Рано распустившаяся ветвь должна была принести плодородие и силу (Календарные обычаи, 1977: 209, 232, 254, 258-259, 263; Соколова, 1979: 98-99)³.

Совершались разнообразные обряды-обереги, призванные защитить поля и скот от сил дикой природы. Наряду с обычными магическими действиями (защитные заклинания, очерчивание кругов, катание по ниве и т.д.) встречаются и жертвоприношения Земле (например, закапывание еды) (см.: Календарные обычаи, 1977: 210-211, 230-231, 239, 254, 288-289; Соколова, 1979: 104-106, 112-114, 158-161; Маслова, 1984: 115-116.). Особое место занимали обереги, связанные с верой в защищающую силу воды. Их с этим периодом схода снегов связано особенно много (Календарные обычаи, 1977: 210-211, 231, 239-240, 254-256, 289; Соколова, 1979: 101-102). Среди обрядов же, связанных с водой, выделяет-

¹ Западнославянский праздник освящения огня свечей – «громница».

² Гипотеза Н.М.Никольского (Нікольські, 1931: 265-272), поддержанная В.К.Соколовой (Соколова, 1979: 141). В то же время Н.М.Никольский основывал своё предположение на волочевном обряде Белоруссии, каковой, как думается, вместе с аналогичными польскими ритуалами восходит к благопожеланиям при встрече весны. Несомненно, какая-то часть обрядов весеннего равноденствия тоже рассредоточилась по великопостным и пасхальным дням. Так, кое-где ближе к Пасхе совершалось уничтожение ритуального чучела, воплощавшего уже в таком случае тяготы поста.

³ У болгар сохранился лишь пережиток ритуальных «побоев» людей и скота в виде похлопывания куском брызны (Календарные обычаи, 1977: 288).

ся магический ритуал взаимного обливания с благопожеланиями – совершавшийся нередко одновременно с хлестаньем (Календарные обычаи, 1977: 213-214, 232, 241, 256, 289; Соколова, 1979: 102-103, 114-116).

Особыми ритуалами сопровождался первый выгон скота на пастбище. Скот выгоняли с разного рода магическими действиями – в том числе с хлестаньем на удачу. В день выгона скота общинники со своей животиной совершали торжественный обход полей, которому тоже придавался магический смысл. Включал праздник первого выгона у всех славян и ритуальную трапезу пастуха, специально для него приготовленную (Календарные обычаи, 1977: 214-215, 230, 236, 262-264, 268, 288; Соколова, 1979: 155-184; Маслова, 1984: 117.).

Весенний праздничный цикл, несомненно, уже в праславянскую эпоху включал ритуальное пение и танцы. Общие для славян мотивы, повторяющиеся в песнях названных празднеств – призыв «отомкнуть» весну/Землю, пробуждение обогретой лучами Солнца, небесным теплом Земли. Подобным призывам, несомненно, в глазах призывающих придавалась заклинательная сила (см.: Круть, 1978: 22-23; Агапкина, 2001: 109-115). Высказывалось предположение, что ритмика общеславянской «первой» весенней песни, «выкликания» весны, отразилась во встречающемся у разных народов ритмическом мотиве, известном по русской песне «Просо». На этом основании и сам древнейший ритуал воссоздается как игровое действие, сопровождаемое пляской. Впрочем, сам мотив в новое время уже был приурочен у разных славянских народов к разным обрядам, от зимнего колядования до жатвы, и содержание положенных на него песен совершенно разное (см.: Земцовский 1975. С.167-170).

Если зима была временем вторжения сил иного мира в повседневную жизнь людей, то весна, пора входящего в силу Солнца, становилась и временем прощания с духами усопших, проводов их обратно в потусторонний мир. Поэтому заупокойный культ, поклонение умершим, занимал важнейшее место в весенней обрядности. Соответствующие ритуалы, приуроченные к разным дням (далеко не только к христианским праздникам и дням поминовения), сохранялись в новое время у всех славянских народов. По-видимому, уже в древности для чествования «дедов» отводился не конкретный день, а весь весенний период, вплоть до наступления лета. В эту пору совершались поминальные трапезы на могилах, для покойных закапывалась, разбрасывалась или пускалась по воде пища. Впрочем, почитание «дедов» было неотделимо от почитания божеств, и сами жертвы им напоминали жертвоприношение съестного Земле. Нередко при поминовении умерших возносились моления стихиям и небесным светилам. Совершались и обережные действия, призванные защитить живых от опасности соприкосновения даже с благожелательными мёртвыми (Календарные обычаи, 1977: 214, 228, 248-250, 257, 261, 268-269, 282, 286, 291; Соколова, 1979: 120-123).

Завершало же весенний период чествование опасных покойников («навей», позднее «навок-мавок», «русалок»), не оставивших потомков либо умерших без погребения – а потому опасных для живых. Смысл празднования, зна-

меновавшего наступление солнечной, «полуденной», летней поры, расцвет природы и окончательное прощание с потусторонним, естественно, не ограничивался этим. Но идея почитания мёртвых была изначальной и основной – что отразилось в позднейшем названии праздника. Слово «русалии» восходит к названию римского поминального праздника, розалий, и именно оно в некоторых славянских языках породило новое имя для «навей», «навок» – «русалки». С другой стороны, через идею леса и воды как дорог в потусторонний мир поминальный праздник вполне естественно увязывался с летним культом вод и растительности (см.: Miklosich, 1886: 283; Нидерле, 2001: 236, 302; Фасмер, 1987a: 520; Иванов, 1982: 390; Виноградова, 1995: 338)¹.

Прелюдией к празднованию проводов весны и встречи лета являлось украшение домов, хозяйственных построек, людей зеленью, иногда начинавшееся задолго до самого празднества. У некоторых славянских народов этот общеславянский обычай с веками принял форму чествования священного дерева или ряжения в дерево (Календарные обычаи, 1977: 215, 218, 233-234, 240-241, 256, 262, 265-267, 288; Соколова, 1979: 142-143, 174-176, 188-197; Маслова, 1984: 119.).

Опасные силы потустороннего мира, выходявшие в мир людей при уходе зимы, представлялись, как и в других обрядах, ряжеными. Однако шествия на рубеже весны-лета имели свои яркие особенности. Здесь не было вычурных масок – участники обряда украшались зеленью или просто пышно наряжались. Существовало четкое разбиение по половозрастным группам. Юноши и девушки у большинства славянских народов совершали отдельные шествия. В центре обряда – как правило – было шествие девушек. Участники ритуала «дружи-

¹ Связь русалий с культом мертвых и с упоминаемыми ещё с древности днями поминовения навей была на обширнейшем материале убедительно доказана Д.К. Зелениным в кн.: Зеленин, 1995 (первое издание – 1916). В качестве духов умерших рассматривал русалок и В.Я. Пропп (Пропп, 1995: 89-92, 141-142). Однако Б.А. Рыбаков (Рыбаков, 1967: 91-116), вернувшись к мнениям ученых XIX в., предположил в русалках древние водные божества, что было поддержано и В.К. Соколовой (Соколова, 1979: 221-223, 227). При этом вне учета остается и явное тождество русских русалок с украинскими мавками, и практически общепризнанная этимология слова («Розалии» – «русалии» – «русалки»). О связи русалий с культом умерших см. также: Велецкая, 2009: 38-39. Из новейших специально вопросу посвящена работа Л.Н. Виноградовой (Виноградова, 2000). Т.А. Агапкина видит в русалке синтез представлений о природном духе и духе умершего (Агапкина, 2001: 310-372). В то же время следует отметить, что наряду с чествованием мавок/русалок на русалии у тех же украинцев, а также у белорусов в новое время имелся «навский» или «навий день» в четверг на пасхальной седмице (Соколова, 1979: 120-121). Здесь можно видеть раздвоение первоначального обряда под влиянием послепасхального поминовения усопших, радуницы – тем более, что чтили в «навий день» не «заложных», собственно «навей», а предков, как на радуницу. Обстоятельства весеннего «навьего дня», кроме некоторых ритуальных запретов, напоминают радуницу и внецерковные обычаи посещать кладбище сразу после Пасхи, тоже отмеченные у восточных славян. Что касается собственно русалий, то связанные с ними обряды у разных славянских народов рассредоточились, привязываясь к 1 мая, Вознесению, Юрьеву дню, особенно же – к Троицкой неделе, отмечающей рубеж весна-лето в христианском календаре.

нами» обходили поля, иногда и дворы, распевая магические благопожелания и получая откупные подарки от односельчан. В случае встречи «дружин» из разных общин могли произойти настоящие, до смерти, побоища (что отмечено у южных славян ещё в новое время). Перевоплощение в «навей» мыслилось как опасное и могло завершиться жертвоприношением иному миру. Последнее отразилось у восточных славян как «похороны» русалки (Костромы, Весны), у чехов – как имитация убиения праздничного «короля», главы юношеского шествия. Однако немногим менее древним и довольно распространенным был и обряд выкупа, который семья платила за предводителя или предводительницу шествия её спутникам. Могло жертвоприношение заменяться, как в зимних обрядах, и уничтожением священного дерева. Тем самым человек как бы не отдавался навям. Они удалялись к себе с иными приношениями (Календарные обычаи, 1977: 217-218, 234-235, 241, 266, 269-270, 291; Соколова, 1979: 192-195, 204-205, 214-220, 226; Маслова, 1984: 118-119). Притом, что в основе будущих русалий лежало поклонение неуспокоенным, положительный смысл всего праздника составляла именно сельскохозяйственная магия. Действия обходчиков были направлены на защиту полей и всего хозяйства от враждебных сил, на обеспечение плодородия. Благословение будущего урожая от имени опасных мертвецов, разумеется, обретало особую силу.

С магией плодородия, в конечном счете, была связана и другая сторона проводов весны. Этот праздник служил прологом к летним, немаловажную часть коих составляли предбрачные игрища молодежи. Достигшие брачного возраста юноши и девушки свободно, презрев налагаемые общинным законом запреты, общались между собой, подбирая пары. Обход полей сопровождался танцами молодежи, которым также иногда придавался магический смысл. Отмечен обычай «выкупа» девушек у ряженных или просто у юношей села. Наконец, завершалось празднование у ряда славянских народов совместным пиршеством молодых людей (Календарные обычаи, 1977: 215, 234-235, 241, 266-267, 287, 291; Соколова, 1979: 176-177, 192-196, 205, 212-213).

Из ритуалов раннего лета, не приуроченных к конкретному дню, важнейшим являлся обряд вызывания дождя. Он в основах своих древнее самого славянства, имея немало европейских параллелей¹. Лучше всего ритуал сохранился у южных славян, но отмечен у всех славянских народов. Первоначальный его смысл воссоздается именно благодаря южнославянским ритуалам. В ходе обряда девушки или молодые женщины, воплощавшие богиню Додолу, Пеперуну, – то есть оплодотворяемую своим небесным супругом Додолом-Перуном Землю, обливали друг друга водой. Не исключено, что на каком-то этапе ритуал сопровождался человеческим или животным жертвоприношением (в историческое время в жертву иногда приносили «гадов»). Это должно было призвать живи-

¹ Не только у немцев (Календарные обычаи, 1978: 133, 136-137, 139, 147) и у всех балканских народов (Там же: 244, 262, 265-266, 274-275), но и у англичан (Там же: 87) – что указывает как минимум на общую славяно-германскую древность. Схожий обычай есть и во франкоговорящей Швейцарии (Там же: 155-156).

тельный дождь и обеспечить плодородие полей. Песни-заклинания, певшиеся при исполнении ритуала, хотя и не совпадают у разных народов (а у многих и оторвались от обряда), всё же содержат общие мотивы. Среди них – отправление некоего посланца на небеса, который должен призвать, принести на землю дождь, либо обещание небесным силам даров в обмен на дождь¹.

Единственный крупный летний праздник праславян был приурочен к летнему солнцестоянию², как и у всех европейских народов. Это был праздник середины лета, высшей точки цветения природы, плодородия, ожидания урожая. С другой стороны, поворот солнца «на зиму» был сопряжен с тревожными ожиданиями, которые призвано было погасить и отвратить обрядовое буйство.

Ночь на солнцеворот считалась временем опасным, порой разгула демонических сил и злого колдовства – но и благоприятной для разного рода магических действий. В эту ночь у всех славян было принято собирать целебные, вредоносные и просто «волшебные» травы. Занимались этим делом в основном женщины, и недаром в фольклоре христианской эпохи «купальская» ночь воспринималась как время шабашей и особой силы ведьм. Не исключено, что в древности сбор трав относился к тайным обрядам женских союзов, закрытым и опасным для непосвященных. Особенно славился в славянских поверьях мифический цветок папоротника, распускающийся якобы в ночь праздника и приносящий нашедшему богатство и удачу. С представлением об особой силе магических действий в ночь солнцеворота связаны многочисленные хозяйственные приметы, к ней приуроченные у разных славянских народов. Для защиты от вредоносной магии в ночь праздника использовались разнообразные обереги (Календарные обычаи, 1978: 175, 186-187, 197, 208-209, 211, 213, 230-231; Соколова, 1979: 229, 231, 236, 238, 240-242, 244, 253-254; Маслова, 1984: 119-120). Важнейшими среди этих оберегов являлись изготовленные из собранных растений венки, которыми украшали-«защищали» и себя, и жилище. Венки – важнейший атрибут «купальской» обрядности у славян. С ними совершались самые разные магические и ритуальные действия (Календарные обычаи, 1978: 175, 181, 186, 190, 197-198, 201, 203-204, 208-212, 216, 231; Соколова, 1979: 230-231, 235-236, 240, 245; Маслова, 1984: 119-120)³.

¹ По расселении на Балканах у южных славян появились и иные ритуалы вызывания дождя, воспринятые от местных жителей (особенно известны «похороны Германа»). О ритуалах вызывания дождя у славян см.: Иванов, Топоров, 1974: 104-118; Календарные обычаи, 1978: 179, 187, 192, 201-202, 205, 224-227; Круть, 1978: 21; Соколова, 1979: 175-176; Маслова, 1984: 123; Велецкая, 2009: 186-227.

² С летним солнцестоянием в христианскую эпоху совпал день Рождества Иоанна Предтечи, к которому и оказались приурочены древние ритуалы. Часть их, однако, ввиду выпадения дня Иоанна на Петров пост, передвинулась на день святого Петра. Впрочем, возможно, что это связано с многодневной длительностью самого языческого праздника (см.: Соколова, 1979: 255).

³ Само понятие «вен(ок), вен(ец)» и его производные «венчать», «обвенчать» – праславянские (см.: Фасмер, 1986: 291, 292; ЭССЯ, 2005: 20-21).

Венки могли использоваться, в частности, и при гаданиях. Летний солнцеворот, как и зимний, считался подходящим временем для гаданий о будущей судьбе. Главной темой девичьих (как и зимой) гаданий у всех славянских народов являлось замужество. Способы гаданий были разнообразны. Среди них особенно распространено бросание венков или иных предметов в воду (реже – бросание венков на дерево или стреху) (см.: Календарные обычаи, 1978: 175, 186, 197-198, 211, 213, 229-232; Соколова, 1979: 235-236, 240, 245-246, 252).

Как и другие народы Европы, славяне разжигали в праздничную ночь большие костры, и молодёжь прыгала через них. Этим прыжкам приписывалась очищающая сила – прыгнувший, соприкоснувшийся со священной стихией и избежавший смерти, считался «чистым», оздоровленным, способным к вступлению во взрослую жизнь. Это напоминает прохождение через огонь во многих посвятительных обрядах других народов. От праздничных костров в тех же очистительных целях зажигали факелы, с которыми обходили или обегали хозяйство. Вокруг костров танцевали и пели (Календарные обычаи, 1978: 175-176, 185, 197, 209-210, 212, 229, 230; Соколова, 1979: 228, 234, 238-240, 242-244). Купальские песни разных славянских народов имеют общий звукоряд, сближают их и некоторые другие особенности исполнения (например, так называемое «гукание»). Это подтверждает очень древнее происхождение праздника и изначальное родство связанных с ним славянских песенных традиций. Однако «общеславянских» купальских песен практически нет (см.: Земцовский, 1975: 130-132, 136-137).

Гуляния и игрища молодежи в «купальскую» ночь выглядели на взгляд позднейшей цивилизации весьма откровенно, даже разнузданно. Вероятно, они и вправду напоминали в древности оргию – во всяком случае, кое-где вплоть до нового времени ночь эта слыла «ночью любви»¹. Однако в языческой культуре это было не разрушение, а утверждение семейно-общинных устоев. Внешне нарушая их, соединяясь с возлюбленными по своему выбору, молодёжь окончательно определяла пары для заключения чинных браков по осени, после страды. Во время этих же игрищ, с другой стороны, могли совершаться и браки умыканием – также признаваемые в итоге общиной. Обнажение, любовные песни, совместные танцы и сам уход в поля до утра – всё это являлось частью вполне законного и устоявшегося за тысячи лет ритуала.

Важнейшей составляющей празднования являлось ритуальное купание, совершавшееся в ту же праздничную ночь. Ему приписывались те же целебные и очистительные свойства, что и прыжкам через костры (Календарные обычаи, 1978: 176, 186, 209, 212, 229; Соколова, 1979: 234-235, 244-245). В «купальскую» ночь человек очищался перед летне-осенней страдой и последующей свадебной порой. Именно большая роль воды в обрядах летнего солнцестояния

¹ Разумеется, у большинства славянских народов к новому времени от этой составляющей оставались в основном смутные пережитки в фольклоре и средневековые обличительные свидетельства (см.: Календарные обычаи, 1978: 176, 185-186, 210-211, 229; Соколова, 1979: 228-230, 233-234, 236-237, 251-255; Маслова, 1984: 119).

уже в христианскую эпоху способствовала усвоению названия праздника «Купала»¹.

Праздничные ритуалы и игрища продолжались ещё на протяжении недели после летнего солнцестояния – до начала жатвы, которую праздник должен был «подготовить»². Рубеж между «купальскими» и не приуроченными, разумеется, к конкретному дню жатвенными обрядами полагало животное жертвоприношение. Оно сохранилось у разных славянских народов и совершалось в новое время где-то в середине лета, где-то – в начале жатвы. Наиболее распространено жертвоприношение петуха, которое и следует считать древнейшим. Петух – солнечная священная птица – воплощал плодородие полей. С этим связаны обычаи закапывания его останков после ритуальной трапезы и кропления земли или участников обряда жертвенной кровью (Календарные обычаи, 1978: 176, 179, 194, 197-198, 205, 212-213, 216-217, 228, 234-235)³.

Жатва являлась не только важнейшим хозяйственным делом, но и растянутым ритуалом, призванным сберечь урожай и обеспечить плодородие полей на будущее. Начало и особенно завершение жатвы у славян отмечены разнообразными магическими действиями. Жатвенные обряды открывали в то же время ряд характерных для осени и начала зимы женских ритуалов. Жатвой занимались замужние женщины, а для мужчин это действие считалось запретным. У большинства славянских народов сохранился хотя бы в пережитках обычай «выкупа», который должен уплатить за себя жницам случайно зашедший на

¹ «Купала» – своеобразный народный перевод греческого Βαπτιστήξ («Погружатель, Купатель = Креститель» – об Иоанне Предтече) – см.: ЭССЯ, 1985: 60. Впрочем, В.В. Иванов и В.Н. Топоров предлагали видеть в Купале исконный славянский мифологический персонаж. Его имя они связали с индоевропейским корнем *kup «кипеть, страстно желать» и с латинским именем божка Купидона – не отрицая, впрочем, и очевидного происхождения от «купать» (см. их анализ купальских обрядов: Иванов, Топоров, 1974: 217-243; Иванов, Топоров, 1982: 29). Впервые языческий «бог Купала» появляется на страницах источников XVII в. (ПСРЛ, 2003: 44), что вполне объяснимо языческим содержанием народных «купальских» обрядов и появлением в них ничего общего с Иоанном Крестителем не имеющего персонажа «Купало». Впрочем, украинский летописец прямо говорит, что древний «бог Купало» – не более, чем его догадка («Купало, яко же мню, бяше бог обилия...»).

² Ср. соображения В.К.Соколовой (Соколова, 1979: 255) и прямое свидетельство Густынского летописца (ПСРЛ, 2003: 44 – «Сему Купале бесу еще и доньне в неких странах безумные память совершают, начав июня 23 дня, в навечерие Рождества Иоанна Предтечи, до самой жатвы и далее...»).

³ У восточных славян (Соколова 1979. С.231-233, 238, 240-242, 250-252, 256-257) и лужичан (Календарные обычаи 1978. С.197) в середине лета совершался ритуал, напоминавший весеннее «убиение» или «похороны» чучела/ряженого. Это явно вторичный (но ранее ухода предков лужицких сербов с востока в Центральную Европу, вторая половина VI в.) перенос изначально человеческой жертвы ради плодородия полей с весны на лето. И на востоке, и у лужичан обряд имеет явные черты противоборства мужского и женского начал, вплоть до чередования мужской и женской «жертвы» в восточнославянской традиции. Это отражение происходивших также в «темные века Европы» процессов изменения в славянской религии, вытеснения матриархальных «ведьмовских» обычаев патриархальным укладом (см.: Алексеев, 2009: 228, 327-329).

поле прохожий, а то и хозяин участка. Особенно пышно, как уже сказано, справлялось завершение жатвы – «дожинки». Основную роль в обряде играл последний сноп, который украшали и чествовали. Последние несжатые колосья на поле оставлялись в качестве жертвы («бородки») жатвенному духу в облике козы/козла (позднее же у восточных славян – Велесу). Видимо, именно к дожинкам была изначально приурочена и ритуальная женская пляска «на урожай», позднее у некоторых народов перенесенная на встречу весны (Пропп, 1995: 75-78; Календарные обычаи, 1978: 179-181, 188-192, 198-199, 203-204, 228; Круть, 1978: 35-37, 56; Этнография, 1987: 393; Маслова, 1984: 121-122).

При достаточно бедной жатвенной обрядности внимание исследователей давно обратило на себя богатство жатвенной народной поэзии. При этом жатвенная поэзия – наиболее «праславянский» из всех календарных циклов. Многие ее черты – как музыкальные, так и сюжетно-текстовые – являются общими для всех трёх групп славянских народов (см.: Земцовский, 1975: 141-159; Круть, 1978: 26-63). Базовые интонации и целые мелодии жнивных песен, характерное «гукание», использование в песнях повторов и припевов восходят к общеславянской эпохе. Более того, мелодии, интонации и приемы жнивных песен оказываются первичными по отношению к веснянкам, колядкам, отчасти свадебной поэзии. Все эти песенные циклы – уже в отдельных, более поздних славянских традициях – перекликаются с общеславянскими жатвенными напевами, повторяют их (см.: Земцовский, 1975: 145-149, 152-153, 158-159, 166; Круть, 1978: 111-114).

Объяснение подобной архаичности жнивных песен лежит на поверхности. Жатва была единственной земледельческой работой (и единственным земледельческим обрядом), оставшимся всецело в руках женщин. Соответственно, она приобрела характер своеобразного женского таинства. С этой точки зрения жатва, естественный итог трудового года, превратилась в кульминацию и женских обрядовых действий, сопровождавшихся пением и танцами. Поскольку песни годового цикла как минимум в относительном большинстве случаев складывались и исполнялись женщинами – постольку жатвенный цикл оказался главным, исходным, став образцом для всех остальных. По этой же причине он оказался и наиболее устойчивым.

В жнивных песнях вполне выражена идея жатвы как женского, недоступного и запретного для мужчин священнодействия. При этом отношение к мужчине в общеславянском пласте жатвенной поэзии двойственное. С одной стороны, мужчина – это жених, муж, любимый, встречу с которым жница ожидает по завершении жатвы, на краю поля (Круть, 1978: 72-74). С другой стороны, постоянно повторяется и образ мужчины как захватчика, угнетателя, который воспользуется плодами труда жниц. Хотя в историческое время это «пан», «хозяин», что, конечно, связано с реалиями средневековья¹, но сама тема явно об-

¹ Ю.З.Круть (Круть, 1978: 76-89), приведя массу свидетельств бытования мотива у всех славянских народов, тем не менее, настаивал на исключительно социальном его происхождении, связанном с реалиями феодального общества.

щеславянская, а значит, гораздо древнее. Она перекликается с обычаем выкупа, который тот же самый «хозяин» должен выплатить, чтобы избежать наказания со стороны жниц за нарушение их тайнства. Наказание в праславянской древности могло быть самым суровым (следует помнить, что жницы были и вооружены – серпами). В жнивных песнях сталкиваются две схемы взаимоотношений мужчины и женщины. В первой схеме (ожидание встречи с любимым) жатва – тяжелая, но почетная миссия, возвращения с которой женщины мужчина ждёт так же, как она его возвращения, скажем, из воинского похода. Во второй, более поздней по происхождению, жатва – оставленная женщинам тягостная часть работ, главными исполнителями и господами которых считают себя мужчины. В то же время жатва – способ выправить положение, напомнить о подлинном месте женщины, о ее священной связи с землей, о том, чьим правом на самом деле является добывание «жита».

Устойчивые обороты жатвенной поэзии рисуют идеализированный образ страды. «Молодые жены» с «черными очами», вооруженные «золотыми серпами», на «широкой ниве» убирают «белую пшеницу». Их освещает «ясное солнце» (см.: Круть, 1978: 114). Последнее – один из наиболее частых персонажей жатвенной поэзии. Песня жницы часто строится как диалог с Солнцем. Она упрекает божественное светило, что то рано встаёт и поздно заходит. В жнивных песнях разных славянских народов сохранился призыв к Солнцу заходить быстрее: «Солнышко, заходи!» Картина захода солнца, радостная для завершающих работу на закате жниц, – также общеславянский мотив (Круть, 1978: 32-33, 79-80, 109-110).

Осень после завершения уборки урожая была порой свадеб, и в обрядах этого периода большую роль играли женщины – как устроительницы и непосредственные участницы. У разных славянских народов отмечены в осенне-зимний период закрытые для мужчин вовсе или проводящиеся преимущественно женщинами ритуалы. Видимо, в глубокой праславянской древности это был период священнодействий женских ритуальных союзов, – в том числе собственно ведьм. Кое-где прямо сохранились «ведьмовские» и защитные от ведьм зимние обряды. Связаны старинные священнодействия были с культом верховной богини. Недаром у некоторых славян на этот период падает специальное чествование-задабривание мыши – её священного животного (Чичеров, 1957: 40-49; Календарные обычаи, 1973: 206-207, 238, 240, 260, 267, 269, 279-280; Календарные обычаи, 1977: 182-183, 218, 238-240; Этнография, 1987: 393).

С другой стороны, с конца осени выходили из тени и мужские военно-ритуальные братства, связанные с культом волка и отчасти медведя. Начало зимы считалось временем господства опасных для человека природных и потусторонних сил, особо мощного колдовства. Для отращения опасности (и вполне реальной, от голодных хищников) община прибегала к магическим средствам – в том числе к одариванию «волков»-людей. Общеввропейский «волчий месяц» (изначально конец ноября – декабрь) известен и у славян. В течение этого времени ряженные «волки» обходили общины, собирая дары с непосвященных соп-

леменников. Наряду с этим совершались и другие обряды, призванные почтить волка или медведя. К хищникам обращали мольбы и заклинания, «приглашали» их к трапезе. В народных культурах нового времени шествия «волков» и приглашения хищников (или иных демонических сил) к трапезному столу могли совершаться в разное время, вплоть до весны. Обряды новолетия включали проводы или изгнание приглашенных враждебных духов – часто воплощаемых ряжеными. Все эти действия явно отражают древний, к индоевропейской старине восходящий обычай (см.: Чичеров, 1957: 37; Календарные обычаи, 1973: 206, 210-211, 227, 236, 255, 260, 257-258, 266-267; Календарные обычаи, 1977: 248, 275; Календарные обычаи, 1978: 216, 218-219, 240; Соколова, 1979: 107-108; Виноградова, 1982: 216-220). Разгулом «тайных» союзов завершался праздничный год – и они становились прелюдией к повороту солнца «на лето», началу нового новогоднего цикла.

Список литературы

- Агапкина Т.А. (1995) Опахивание // Славянская мифология. М.: Эллис Лак. С.287-288.
- Агапкина Т.А. (2001) Мифопоэтические основы славянского народного календаря. М.: Индрик.
- Алексеев С.В. (2009) Славянская Европа V-VIII вв. М.: Вече.
- Алексеев С.В. (2011) К реконструкции праславянской мифологии // Знание. Понимание. Умение. № 4. С.79-89.
- Алексеев С.В. (2013) К реконструкции праславянской религии // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 146 (2/2013). С.24-30.
- Байбурин А.К. (1993) Ритуал в традиционной культуре. М.: Наука.
- Велецкая Н.Н. (2009) Символы славянского язычества. М.: Вече.
- Виноградова Л.Н. (1982) Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. М.: Наука.
- Виноградова Л.Н. (1995) Русалка // Славянская мифология. М.: Эллис Лак. С.338
- Виноградова Л.Н. (2000) Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик.
- Гошовский В.Л. (1971) У истоков народной музыки славян. М.: Советский композитор.
- Зеленин Д.К. (1995) Очерки русской мифологии («Заложные покойники»). М.: Индрик.
- Земцовский И.И. (1975) Мелодика календарных песен. Л.: Музыка.
- Иванов В.В. (1982) Русалка // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия. Т. 2. С.390.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. (1974). Исследования в области славянских древностей. М.: Наука.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. (1982) Купала // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия. Т. 2. С.29.

- Иванов В.В., Топоров В.Н. (1995) Сварог // Славянская мифология. М.: Эллис Лак. С.349.
- Йеттмар К. (1986) Религии Гиндукуша. М.: Наука.
- Календарные обычаи и обряды народов зарубежной Европы (1973). Зимние праздники. М.: Наука.
- Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы (1977). Весенние праздники. М.: Наука.
- Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы (1978). Летне-осенние праздники. М.: Наука.
- Круть Ю.З. (1978) Хліборобська обрядова поезія слов'ян. Київ: Наукова думка.
- Маслова Г.С. (1984) Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М.: Наука.
- Нидерле Л. (2001) Славянские древности. М.: Алетейа.
- Нікольскі Н.М. (1931) Мітолёгія і обрадавасць валачобных песень. Мінск: Песни южных славян (1974). М.: Художественная литература.
- ПСРЛ (2003) = Полное собрание русских летописей. Т. 40. Густынская летопись СПб.: Дмитрий Буланин.
- Пропп В.Я. (1995) Русские аграрные праздники. СПб.: Азбука.
- Рыбаков Б.А. (1967) Русалии и бог Симаргл-Переплут // Советская археология. № 2. С.91-116
- Соколова В.К. (1979) Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М.: Наука.
- Толстой Н.И. (1984) Фрагмент славянского язычества: архаический ритуал-диалог// Славянский и балканский фольклор. М.: Наука. С. 5-72.
- Толстой Н.И. (1995) Близнецы // Славянская мифология. М.: Эллис Лак. С.52.
- Фасмер М. (1986) Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.: Наука.
- Фасмер М. (1987а) Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М.: Наука.
- Фасмер М. (1987b) Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М.: Наука.
- Чичеров В.И. (1957) Зимний период русского народного календаря XVI-XIX вв. М.:
- ЭССЯ = Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука – ИРЯ РАН. Вып.8. 1981. Вып.10. 1983. Вып.12. 1985. Вып.15. 1988. Вып.31. 2005.
- Этнография восточных славян (1987). М.: Наука.
- Miklosich F. (1886) Etymologische Wörterbuch der slawischen Sprachen. Wien:

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета, главный редактор журнала «Научные труды Московского гуманитарного университета», председатель правления Историко-Просветительского общества.

Alekseev Sergey Viktorovich, Doctor of Science (history), Professor, Head of the Department of History of the Moscow University for the Humanities, the chief editor of the journal «Studies of the Moscow University for the Humanities», Chairman of the Board of Historic-Educational Society.

**Возвращение российских эмигрантов из Болгарии в 1920-х гг.
Морошкин В.А.**

**The return of Russian emigrants from Bulgaria in the 1920's.
Moroshkin V.A.**

Аннотация: В статье показано, что эмиграция населения из России в Болгарию в 1920-х гг. имела свою выраженную особенность в виде массового возвращения белоэмигрантов на родину.

Ключевые слова: эмиграция, Россия, Болгария, Врангель, реэмиграция, Союз возвращения на родину, Лига Наций, помощь белоэмигрантам, свержение правительства Стамболийского.

Abstract: This paper shows that the emigration of people from Russia to Bulgaria in 1920's had its specific feature in the mass return of émigrés to their homeland.

Keywords: emigration, Russia, Bulgaria, Wrangell, remigration, the Union of Return to Homeland, the League of Nations, aid for the White émigrés, the overthrow of the government of Stambolijski.

Возвращение белоэмигрантов на родину из Болгарии является важной военно-политической особенностью этой эмиграции. Болгария является страной, откуда в начале 1920-х гг. вернулась почти треть из числа всех российских эмигрантов. Это обстоятельство отличает ее от многих других государств мира, откуда не было столь массового возвращения россиян на родину. Столь массовая реэмиграция вызвана тем, что в России понимали, какую опасность представляют эмигрировавшие в Болгарию элитные части врангелевских войск. Это имело огромное значение потому, что одно время у белогвардейцев была идея похода на Россию через Румынию.

Поэтому ослабление и размывание этого опасного контингента за пределами России имело для нашей страны серьезное военно-стратегическое значение.

Прибытие в Болгарию в 1920-1921 гг. более тридцати тысяч беженцев из России усугубили и без того сложную социально-экономическую и политическую ситуацию в Болгарии (ГАРФ. Ф.Р. — 5826. Оп. 1. Д. 20. Л. 114). Болгария находилась тогда в серьезном послевоенном кризисе и всячески способствовала возврату россиян на родину. Этому также способствовала сложившаяся внутриполитическая обстановка в этой стране (Библиотека-фонд Русское Зарубежье. Ф. 2. Оп. 1. Д. К. 209. Л. 1-2.).

Весной 1921 г. в Болгарии началось сближение и политическое сотрудничество между правящим Болгарским земледельческим народным союзом и Болгарской коммунистической партией, в то время второй по значимости парламентской партией в стране. Это сближение способствовало нападкам и акциям болгарских коммунистов, направленным против Русской армии и эмигрантов

вообще. В результате весной 1921 г. Компартия Болгарии выступила против присутствия белоэмигрантов на болгарской земле. По всей Болгарии весной 1921 г. прошла серия массовых протестов под лозунгом «Врангелевцы, вон из Болгарии!» (Спасов, 1999: 42-43).

В результате руководство Болгарии начало способствовать развертыванию работы по возвращению белоэмигрантов в Россию.

С самого начала прибытия белоэмигрантов в Турцию, Грецию, а затем в Болгарию среди них была развернута серьезная работа советских спецслужб по агитации и организации движения по возвращению на родину.

Основой идеологии возвращенчества стали настроения, возникшие на почве признания Советской России на международной арене. Эти настроения затрагивали представителей всех слоев эмигрантов, пребывавших в Болгарии.

К 1922 г. первоначально стихийное стремление русских беженцев на родину начало принимать определенные организованные формы. В первую очередь это выражалось в создании союзов и обществ определенной направленности. Так, 6 мая 1922 г. на собрании русских военных эмигрантов, пребывавших в Болгарии, был создан Союз возвращения на родину («Совнарод»). Уже через несколько месяцев «Совнарод» превратился в массовую организацию, куда вошли не только солдаты, казаки, офицеры Русской армии, но и гражданские беженцы. Руководящим органом Союза являлось центральное бюро, на местах были созданы группы возвращения на родину. В июне 1922 г. в рядах «Совнарода» насчитывалось 3500 человек, а в сентябре – уже 5300. К этому времени Союз объединял 65 групп и издавал газету «На родину» и «Новая Россия», в которых постоянно разъяснялись его цели и задачи. Так, в «Новой России» от 19 сентября 1922 г. сообщалось: «Началу организованной репатриации положил ряд запросов различных беженских организаций в Болгарии, обращенный в Верховный комиссариат Лиги наций в Женеве по поводу технических условий репатриации и по вопросу о гарантиях».

В мае-июне 1922 г. «Союз возвращения на родину» обратился с вопросами репатриационного характера к Константинопольскому и Венскому дипломатическим представительствам РСФСР. В связи с этими обращениями между правительствами РСФСР и Болгарии в июле было достигнуто соглашение о прибытии в Софию миссии Российского общества Красного Креста (РОКК), имеющей от правительства РСФСР полномочия по репатриации русских беженцев.

Одновременно Наркомат иностранных дел Советской России заключил соглашение с представителем Лиги Наций Фритьофом Нансеном о том, чтобы дело возвращения русских беженцев на родину было поручено Российскому обществу Красного Креста. Сам доктор Нансен в качестве Верховного комиссара Лиги Наций по делам военнопленных создал комитет «Помощь Нансена». Он же добился введения для русских эмигрантов временных паспортов, значительно облегчающих возможности по их возвращению в Россию.

20 октября 1922 г. представительство Российского общества Красного Креста во главе с И. С. Корешковым прибыло в Болгарию (Русская военная эмиграция, 2002: 5-6).

25 октября 1922 г. министр внутренних дел страны сообщил представительству РОКК, что правительство изъявляет согласие на репатриационную деятельность РОКК в Болгарии.

Данное согласие вызвало негативную реакцию Врангеля, так как создавало определенную угрозу существованию белогвардейских организаций. После ряда пропагандистских и организационных мероприятий большевистскому руководству удалось убедить руководство Болгарии, в первую очередь дипломатическими мерами, что единственным законным правопреемником всего, находящегося на ее территории (в том числе, и различных представительств), является Советская Россия.

Неоценимый вклад в решение данного вопроса внесли советские спецслужбы, которые организовали и провели успешную операцию, приведшую, хотя и на время, к изгнанию части командного состава Русской армии из Болгарии.

Весной 1922 г. расквартированные в стране части Врангеля значительно превосходили по всем параметрам, ограниченную Нейским мирным договором 6,5 –тысячную болгарскую армию. Вовлечение Русской армии в такой обстановке в политическую жизнь на чьей-то стороне грозило государственным переворотом и возможностью свержения законного правительства.

Используя левую прессу и болгарских коммунистов, создав определенную политическую атмосферу, соответствующими подразделениями Иностранного отдела ГПУ и Разведывательного управления Красной Армии были сфабрикованы документы о, якобы, подготовке Врангеля к захвату власти в Болгарии. Подброшенные офицеру белогвардейской разведки полковнику Самохвалову, эти документы подтверждали факт ведения переговоров Врангеля с представителями оппозиционной А. Стамболийскому организацией «Военная лига» в целях подготовки военного переворота. Обнаруженные болгарской полицией на квартире полковника Самохвалова документы, о существовании которых он не знал, скомпрометировали все руководство Русской армии. По указанию Стамболийского генералы Кутепов, Вязьмитинов, Абрамов, Онжин и ряд других были выдворены из страны, а воинские части разоружены. Кроме того, был закрыт ряд белоэмигрантских газет.

В связи с произошедшими в Болгарии событиями наступила наиболее благоприятная обстановка для развития процесса репатриации русских эмигрантов на родину (Русская военная эмиграция, 2002: 8). За полгода, благодаря усилиям представительства Российского общества Красного Креста, Союза возвращения на Родину, Лиги Наций в Россию из Болгарии вернулось в Россию около 10 тысяч человек.

В докладе Верхового комиссара по делам беженцев на заседании четвертой Ассамблеи Лиги Наций в Женеве в сентябре 1923 г. было отмечено следую-

шее: «Первый конвой из 325 беженцев прибыл из Варны в Новороссийск в октябре 1922 г., где был специально подготовлен лагерь по приему беженцев. Следующий конвой с беженцами под защитой Верховного комиссара прибыл 10 января 1923 г. на борту «Варны» с 732 беженцами, просьбы о возвращении которых, были удовлетворены представителями Русского Красного Креста в Болгарии; они были быстро высажены, опрошены в лагерях и отправлены к родным домам. 23 февраля 1923 г. на борту «Белгравии» прибыло 833 беженца. 5 апреля еще 832 русских беженца прибыло на борту «Белгравии». Доклады представителя Верховного комиссара в Новороссийске по вопросу их приема были положительными. Этим же пароходом прибыла делегация из 26 членов Казачьей аграрной организации в Болгарии (распущенной впоследствии и замененной Союзом возвращения на родину). Трое из них возвратились в Болгарию, чтобы сделать доклад о том, как были приняты русские беженцы. На встрече с представителем Верховного комиссара члены этой делегации заявили, что они полностью удовлетворены тем, как Русское правительство советов относится внутри России к проблеме репатриации.

11 мая в Новороссийск пароходом «Варна» прибыло 1068 беженцев, которые были быстро и без инцидентов отправлены по домам. 26 июля прибыло 653 беженца на пароходе «Игнатий Сергеев», а 31 июля 274 беженца прибыли на пароходе «Буг» (Русская военная эмиграция, 2002: 417-418).

В глазах беженской массы, русских эмигрантов авторитет представительства РОКК рос с каждым днем. В связи с ростом авторитета советского представительства росло, и число желающих записаться в репатрианты. Недостаточность информации периода оформления репатриационного настроения и нехватки вестей с родины, сменилось возможностью эмигрантов получать свежие новости о современной России. Но РОКК не имел возможности и полномочий решать все вопросы защиты интересов российских граждан за рубежом.

Несогласованность действий структур, участвовавших в организации репатриации, ряд объективных трудностей создавали благоприятную почву для внесения сомнений в умы беженцев правыми средствами массовой информации. Например, к 10 ноября 1922 г. представительством РОКК были подготовлены документы на 1000 человек, желающих вернуться в Россию. Однако отправлены они были только после 6 января следующего года. Техническая сторона перевозки репатриантов лежала на Лиге Наций. И задержка с отправкой произошла по финансовым причинам, возникшим в этой организации.

Эта задержка позволила газете «Мир» сообщить о нежелании русских возвращаться домой в связи с тем, что репатрианты, прибывающие в Новороссийск, как правило, не принимаются, пароходы с беженцами возвращаются обратно, а принятых расстреливают по пути от Новороссийска до Ростова.

В связи с распространением подобных слухов представительство РОКК обратилось в Лигу Наций с официальным письмом, на которое был получен ответ за подписью представителя Лиги Наций Коллинса. В этом письме отмечалось, что Лига Наций ничего не слышала об этих репрессиях.

Эти проблемы стали возникать из-за неблагоприятного отношения к репатриантам со стороны некоторых представителей болгарского правительства после посещения А. Стамболийским Лозанны в декабре 1922-январе 1923 года. Там ему намекнули, что следовало бы ограничить деятельность представительства советского общества Красного Креста, расширить возможности по развертыванию русских военно-эмигрантских организаций в Болгарии (Русская военная эмиграция, 2002: 8-9).

Руководство министерства иностранных дел смогло убедить А. Стамболийского образовать в Софии «нейтральное» учреждение по русским делам, к которому перешли бы функции бывшего представительства России, возглавляемого А. М. Петряевым. Таким учреждением стал созданный правительством «Комитет по делам русских беженцев».

Этот поворот политики А. Стамболийского в отношении представителей Советской России, занимающихся возвращением своих соотечественников на родину, явился первым этапом на пути к событиям, произошедшим в стране 9 июня 1923 года.

Накаляющаяся психологическая атмосфера в стране дала возможность врангелевцам поднять голову и активно выступить против репатриации. В некоторых районах Болгарии военные чины Русской армии устраивали погромы репатриационных учреждений, совершали покушения на работников Союза возвращения на Родину, Красного Креста. Мирная репатриационная работа вызывала открытые выступления черносотенцев, выразившиеся в ранении представителя Красного Креста Шерги, секретаря «Совнарода» Линзена и убийстве Агеева.

На этом фоне в Болгарии 9 июня 1923 г. произошло свержение «земледельческого» правительства А. Стамболийского и замена его правым правительством профессора А. Цанкова.

По просьбе П. Н. Врангеля правительство А. Цанкова прекратило репатриацию. Был распущен Общеказачий земледельческий союз, запрещена деятельность Союза возвращения на Родину. 5 июля 1923 г. в Плевне был убит сотрудник миссии советского Красного Креста М. В. Шелепугин. Незаконные аресты, избиения и глумления над гражданами Советской России произошли в Варне, Пловдиве, Сливене, Тырново, Хасково и других районах.

14 июля 1923 г. советское правительство обратилось к Фритьюфу Нансену с посланием, содержащим подробное изложение фактов преследований врангелевцами и потворствующим им местным властям советских представителей и эмигрантов, стремящихся на родину. 9 и 13 августа 1923 г. последовали ноты Народного комиссариата иностранных дел СССР болгарскому правительству с аналогичной информацией. В результате деятельность репатриационных советских организаций на территории Болгарии стала невозможной. Они были отозваны в РСФСР. Это явилось одной из главных причин значительного сокращения потока возвращенцев в Россию во второй половине 1923 г. (Русская военная эмиграция, 2002: 10-11).

В результате всех этих событий возвращение российских эмигрантов из Болгарии в 1920-х гг. резко сократилось и возобновилось лишь в 1944 г. после вступления советских войск на территорию этого государства. Благодаря эффективной работе советских спецслужб из Болгарии в 1920-х гг. вернулась на родину почти треть белоэмигрантов.

Большую помощь в организацию процесса возвращения эмигрантов из Болгарии в Россию внесли Лига Наций, Верховный Комиссариат по делам беженцев во главе с известным норвежским исследователем Арктики Фритьофом Нансеном, Международный Красный Крест и другие. Эти организации способствовали оперативному решению вопросов поставки пароходов, документальному оформлению списков реэмигрантов и оказания необходимой социальной помощи в ходе переезда из Болгарии в Россию.

Список источников и литературы

Библиотека-фонд Русское Зарубежье. Ф. 2. Оп. 1. Д. К. 209.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р. — 5826. Оп. 1. Д. 20.

Русская военная эмиграция 20-40-х годов (2002). Документы и материалы. Том 3. Возвращение... 1921-1924 гг. М.: Триада-Х.

Спасов Л. (1999) Врангеловата армия в България. 1919-1923 г. София: Св. Климент Охридски.

Морошкин Владимир Александрович – аспирант кафедры истории Московского гуманитарного университета

Moroshkin Vladimir Alexandrovich – postgraduate student of History Department of Moscow University for the Humanities

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Мода как способ трансляции ценностей массовой культуры: постановка проблемы
Кондулукова О.В.

Fashion as a method for the transmission values of mass culture: statement of the problem
Kondulukova O.V.

Аннотация: В данной статье проанализирована мода как фактор формирования аксиологического пространства. Показано, что ценности массовой культуры могут рассматриваться как денотативные по отношению к моде. Это позволяет говорить о моде как об инструменте культурной экспансии.

Ключевые слова: мода, ценности, массовая культура, модные стандарты повседневности.

Abstract: Article analyzes fashion as a factor in the formation of axiological space. It is shown that the values of mass culture can be regarded as a denotative to the fashion. This allows perceiving fashion as a tool for cultural expansion.

Keywords: fashion, values, mass culture, fashion standards of nowadays.

Начало XXI века характеризуется динамическими изменениями всех сфер жизни общества и присущей ему культуры. Появляются новые социокультурные феномены, а привычные зачастую получают новые формы бытования. Все это обуславливает необходимость как разработки новых подходов к изучению социальной и культурной реальности, так и новых прочтений культурных процессов и явлений.

Одним из наиболее актуальных объектов современных междисциплинарных гуманитарных исследований является мода как специфический социокультурный феномен. Зародившись в эпоху промышленных революций, когда формировалось индустриальное общество, она прошла сложный путь метаморфоз своего существования и влияния на общество и его культуру. Индустриальное общество, сменившее традиционное, породило массовую культуру, со свойственными последней системой ценностей и механизмами их трансляции. В сложившейся ситуации именно мода взяла на себя функции воспроизводства и трансляции ценностных установок, социокультурных норм, ожиданий и предпочтений максимально доступными для широких слоев населения способами. В этом процессе мода стала органичным дополнением целой совокупности трансляторов, среди которых наиболее важными видятся средства массовой информации и коммуникации, популярные формы искусства и литературы, образовательные институты.

В современном постиндустриальном обществе мода не только не утратила своего значения, но приобрела новые смыслы и функции. Речь идет о вы-

работке новых поведенческих стандартов, конструирующих стили жизни и отдельные практики повседневности. Именно мода способствует формированию внешней сигнальной системы групповой идентификации «свой/чужой», стимулирует процесс символического потребления и т.п. (См. напр., Свендсен, 2007: 167-207)

Убыстряющийся процесс глобализации, трансформации современной массовой культуры актуализируют тему исследования и заставляют стремиться к поиску оптимальных путей изучения моды в системе современного социокультурного пространства.

Всё большую актуальность в изучении процесса глобализации приобретает культурфилософский подход, ведь социальные и культурные последствия глобализации не менее значимы, чем те изменения, которые претерпевают экономика, политика и правовые отношения стран мирового сообщества (Шендрик, 2007: 664-686). Результатом осмысления данной проблемы в начале XXI века стала «Всеобщая декларация о культурном разнообразии», принятая на Сессии ЮНЕСКО в ноябре 2001, призванная обеспечить сохранение и содействие плодотворному разнообразию культур, исходя из того, что каждая культура является носителем особых ценностей (Всеобщая декларация ЮНЕСКО: Электр. ресурс). Аксиологическое пространство каждой отдельной культуры сегодня претерпевает значительные изменения под воздействием тех ценностей, которые несет в себе массовая культура как агент глобализации. Острота данной проблемы объясняется тем, что такие элементы духовной культуры как ценности и идеалы, особенности символического опредмечивания мира, имманентная конкретной культуре картина мира не поддаются унификации и генерализации. В данном контексте правомерно говорить не о глобализации ценностей, а о подмене ценностей одной культуры ценностями другой, т.е. о культурной экспансии, осуществляемой с помощью определенных механизмов трансляции этих ценностей, среди которых мода приобретает всё большую актуальность. Этим обусловлен интерес рассмотрения феномена моды именно в таком аспекте – как способ трансляции ценностей.

А каких же ценностях идет речь? Прежде всего, необходимо отметить, что под ценностями в философии традиционно понимаются базисные универсальные цели и идеалы человеческой деятельности, такие как Истина, Добро, Красота, Справедливость, Благо, Мудрость, Смелость и др. Если мы обратимся к определению понятия «ценность» в аксиологии, то обнаружим его трансцендентальную природу. Так, Генрих Риккерт, основоположник аксиологической концепции культуры, определил ценности как «совершенно самостоятельное царство, лежащее по ту сторону субъекта и объекта» (Риккерт, 1998: 23), сущность ценностей, по Риккерту, «состоит в их значимости, а не их фактичности» (Риккерт, 1998:94). Происходившее на протяжении XX века переосмысление ценностей привело к их переходу из области трансцендентного в область объективно-субъективного, сделало их тождественными благу, способному удовлетворить потребности действующего субъекта (См. напр.,

Дробницкий, 1967: 292-311). Таким образом, понятие ценности из области аксиологии переходит в область праксиологии (См. Костина: Электр. ресурс). Высокие общечеловеческие ценности отодвигаются на второй план партикулярными устремлениями, интересами, желаниями индивидов, которые в массовом сознании принимаются как ценность. Другими словами, ценности, которые традиционно в философии считались низкими, сегодня занимают первые ступени ценностной иерархии массового человека. Попробуем определить эти ценности. Если опираться на работы первых теоретиков массового общества (Х.Ортеги-и-Гассета, Э.Фромма, Г.Маркузе, Д.Рисмена, М.Хоркхаймера, Т.Адорно и др.), то таковыми являются всеобщее равенство, демократия, наслаждение, ценности потребления. Сегодня к этим ценностям добавляется мобильность, ценность красоты, но не в высоком её понимании¹, а в том, что тесно связано с конструированием телесности, а также ценность включенности в коммуникативный процесс². Нас интересует то, какую роль в распространении этих ценностей играет мода.

Прежде всего, необходимо определить социокультурный смысл феномена моды.

Со времен первых попыток осмысления данного феномена мода понималась как форма социального регулирования, иерархия, социальный обычай, социальный процесс и установленный порядок (Кавамура, 2009: 61). В начале XX века к моде обращаются социологи, психологи и антропологи как к отдельному объекту исследований. Так, Г.Зиммель рассматривает моду как инструмент классовой дифференциации. В разное время А.Кребер, А.Б.Янг, А.Линч и М.Д.Штраусс исследовали цикличность моды. Г.Тард, У.Самнер, Ф.Теннис обращались к моде как социальному обычаю. Г.Тард, Т.Веблен, Ф.Дэвис заостряли внимание на имитативном аспекте моды и рассматривали её как коллективный выбор. Ф.Броделя, Г.Блумера и Ж.Бодрийара интересовал экономический аспект производства и потребления одежды. Р.Барт рассматривал моду в семиотическом ключе. К моде как системе институтов обращался Ю.Кавамура. Моду как вечное стремление к новизне изучил скандинавский философ Л.Свендсен. На сегодняшний день, как представляется, универсальным является подход отечественного социолога А.Б. Гофмана,

¹ Напр. древнегреческими философами красота воспринималась как явление объективное и онтологическое по своей сути, связанное с совершенством [Универсума](#), с пониманием [космоса](#) как миропорядка; Красота получала функцию возводящей к божественному и прекрасному.

² Здесь речь идет не о ценности общения, которая является общечеловеческой, а о том, как её понимание гипертрофируется в рамках массового сознания. Быть включенным в коммуникативный процесс сегодня важно, в первую очередь, посредством социальных сетей, интернет-форумов, имиджбортов - так называемых «ню медиа», которые позволяют не только отслеживать новости друзей, но ещё и обладать той информацией, которую потребляет большинство. Для массового человека очень важно «не выпасть из контекста», быть в курсе всего, что происходит на форумах, чатах и имиджбортах, так как информация, почерпнутая оттуда, потом обсуждается в реальной жизни.

имеющий интегративный характер. Так, ученый предлагает рассматривать моду как совокупность ценностей, как атрибутивных, так и денотативных. Среди атрибутивных, т.е. неизменных, присущих моде всегда и везде, он выделил современность, универсальность, демонстративность и игру. Под денотативными (внешними) он предложил понимать те, которыми обладают участники моды и которым приписывают те значения, которые отражают их собственные ценности (Гофман, 2010: 26-31). Внешние ценности моды разнообразны и противоречивы. Этим объясняется многообразие трактовок моды. Некоторые исследователи отдельные «внешние» ценности моды принимают за сущностные характеристики моды целиком, отчего данный феномен описывается однобоко и неточно (Гофман, 2010: 42-44). Для нас эти ценности представляют наибольший интерес, так как именно они отражают ту культуру, в рамках которой функционирует мода. Таким образом, мода – это относительно непродолжительное господство определенного типа стандартизированного массового поведения (модный стандарт), зафиксированного в неких культурных образцах (модные объекты), которые выступают в качестве знаков моды. Ценностным основанием моды являются современность, демонстративность, универсальность и игра, а в основе изменчивости моды лежат процессы имитации и сопротивления. Важно отметить, что зачастую модными объектами выступают предметы одежды, из-за чего в обыденном сознании закрепилась мифологема, состоящая в отождествлении моды с процессом производства и потребления одежды. В действительности, сфера влияния моды широка и может затрагивать любые области культуры – искусство, философию, медицину, язык и т.д., на что обращают внимание большинство исследователей данного феномена.

Сегодня мы наблюдаем за тем, как посредством моды распространяются ценности массовой культуры. Приведем несколько примеров. Начнем с ценностей потребления. мода не просто отражает эти ценности, она является одним из механизмов стимулирования потребления. Благодаря моде вещи обесцениваются и устаревают быстрее, чем физически изнашиваются. Таким образом, мода очень важна в процессе производства и потребления экономических благ. Отметим, что ценности потребления могут проявлять себя как через социальные практики (в данном случае мы подразумеваем поведение, нацеленное на потребление, которое становится модным), так и через социальные маркеры (символы, образы, предметы, которые тоже выступают как знаки моды). Одним из примеров подобных практик может служить шоппинг, который не только направлен на потребление, но и является новой формой развлечения. В.И.Ильин указывает на то, что шоппинг «обозначает не только традиционный процесс выбора товара, но и посещение торговых центров как музеев современной культуры (windows shopping), храмов, как форму досуга и как инструмент конструирования идентичности» (Ильин, 2008: 362).

Интересно также рассмотреть один из примеров того, как традиционные формы проведения досуга наделяются модным значением в силу того, что им

дается новая символическая нагрузка. Речь, к примеру, может идти о музеях, о том, как сегодня они превращаются в центры развлечения, а степень их популярности определяется характером развлекательности их программы. Посещение музеев становится модным занятием, т.к. как ценность знания, которую нес в себе музей как центр просвещения, подменяется ценностью развлечения. Примечательно то, что наиболее модными музеями становятся те, которые изначально продуманы как центры развлечения. Экспозиции таких музеев не требуют дополнительной подготовки для восприятия, они максимально понятны широкой аудитории, как например, известные в каждом европейском городе музеи телесных наказаний (музеи пыток) или музеи восковых фигур. Обращаем особое внимание на то, что самый посещаемый музей может и не быть модным. Наиболее посещаемыми музеями сегодня остаются самые крупные и известные музеи мира, высокий рейтинг посещаемости которых обеспечивают иностранные туристы. Последние, выстраиваясь в длинные очереди, скорее, совершают своеобразный ритуал, нежели преследуют цель развлечься. Однако такие музеи, к примеру, как Лувр, Прадо, Метрополитен или Эрмитаж могут стать объектом моды, когда речь идет о чрезвычайно модном событии, таком как «Ночь музеев»¹. В эту ночь музей превращается в арену т.н. «модных тусовок», в центр развлечения. Посетителей привлекает необычная ситуация – возможность посетить музей ночью, хотя известно, что если прийти туда утром следующего дня, экспозиция не поменяется. Все мероприятие превращается в своеобразную игру, цель которой – посетить как можно больше музеев за ночь, чтобы «зачекиниться»², т.е. сообщить о своем местонахождении в социальной сети посредством любого устройства, поддерживающего опцию геолокации. Таким образом, данная модная акция транслирует не только ценность развлечения, но и ценность включенности в коммуникативный процесс, и ценность потребления³. Всё это указывает на разрушение тех традиционных ценностей, которые несет в себе музей как учреждение культуры.

Что касается социальных маркеров, посредством которых мода транслирует обозначенные выше ценности, то таковыми являются модные объекты. Самым простым примером может служить одежда и аксессуары, то, что более всего подвержено изменениям под влиянием моды - гардероб, который обновляется каждый сезон, мобильный телефон, который не успевает прослужить до истечения срока гарантии, прежде чем будет заменен другим, более модным. Так же сюда отнесем атрибутивные проявления всевозможных развлече-

¹ Ночь музеев — международная акция, основная цель которой показать ресурс, возможности, потенциал современных музеев, привлечь в музеи молодежь. В эту ночь большинство музеев открывают свои двери для посетителей бесплатно.

² От англ. глагола to check in – отмечаться, регистрироваться

³ Выражаясь терминологией Э.Фромма, такая модель поведения как посещение этого мероприятия конструируется по модусу потребления, а не бытия.

ний. Например, стакан-термос из Старбакса, популярной кофейни, посещение которой наделяет индивида определенным статусом. Другой атрибут некогда модного развлечения – очки для просмотра фильмов 3D. Когда посещение кинотеатров с объемным изображением только входило в моду, казалось, каждый второй потребитель этой услуги старался унести очки для просмотра домой в качестве трофея. Все эти примеры демонстративного потребления модных благ связаны с ценностью успеха. Посредством модной одежды, телефонов, посещения модных мест проведения досуга индивид старается продемонстрировать окружающим, что он преуспел в жизни. Последняя модель часов на руке, новая модель планшетного компьютера, сумочка из последней сезонной коллекции – все это указывает на то, что человек стремится продемонстрировать не только свою современность, но и успешность, так как он может себе все это позволить.

Если мы обратимся к примеру йоги и рассмотрим моду на подобную практику, то обнаружим в этом квинтэссенцию массовой культуры, которая, популяризируя тот или иной элемент духовной культуры, обращается к самым доступным для понимания его сторонам и актуализирует в той или иной практике именно тот аспект, который находится в корреляции с её ценностями. В подобном ключе интерес вызывает то, что мода на йогу в массовой культуре транслирует ценность здоровья, так как занимаются ей для улучшения физиологического состояния. В индийской культуре, тем не менее, целью йоги есть изменение онтологического статуса человека в мире, она ведет к духовному просвещению и дарует возможность достижения мокши (освобождение из круговорота рождений и смертей ([сансары](#)) и всех страданий и ограничений материального существования). Различные физические практики, предлагаемые йогой отнюдь не так важны, как психические и духовные. Сегодня йога – модное увлечение, а йога-центры достойно конкурируют с фитнес-центрами по всему миру.

Интересен тот факт, что даже определенные недуги, которые наделяются статусом «модный», так же могут говорить о наличии неких ценностей. Речь идет о том, что болезнь становится частью поощряемого, распространяемого, перенимаемого, имитируемого и культивируемого образа, в том числе и для здоровых людей. Как отмечает Л.Горалик, «чтобы недуг стал частью модного образа, он должен, по возможности, либо свалиться на страдальца с неба, либо быть результатом поощряемого в данной группе образа жизни или красивого порока, или хотя бы порока, проявившего себя красиво» (Горалик, 2011: 162). Такая, в последнее время распространенная болезнь, как анорексия, как раз является результатом культивируемого в обществе худого тела, которое воспринимается как красивое. Другими словами, «модная» анорексия ориентирована на ценность красоты. Не только модный недуг, но и его атрибутивные проявления могут указывать на некие ценности. Например, брекеты. Их ношение некоторое время было популярным даже среди людей, у которых этот физический недостаток не был значительным. Просто брекеты являлись

маркером того, что носящий их индивид готов испытывать психологические и физические неудобства ради красоты. Из статьи о выравнивании зубов сайта стоматологической клиники: «Нужно ли использовать брекеты или это просто дань моде? Да, брекеты - это модно. Но кроме моды на брекеты существует мода на здоровье, здоровый образ жизни и красивую улыбку. Именно этим и определяется столь большая популярность выравнивания зубных рядов с помощью брекет-систем» (Брекеты: Электр. ресурс). Кроме того, так как подобный недуг обычно устраняется в юности, брекеты стали символом молодости и потому получили модное значение среди людей уже не молодых. Мода на ношение брекетов связана с желанием массового человека оставаться молодым до самой старости. Это, скорее, западная ценность. Ведь молодость не входит в базовые ценности современной отечественной культуры (См. Базовые ценности, 2003: 21-25).

Таким образом, рассмотрев различные примеры модных практик повседневности, мы показали, что мода по праву может считаться одним из факторов формирования аксиологического пространства, что сегодня эффективно используется западной массовой культурой в целях распространения своих ценностей на другие культуры глобального мира.

С другой стороны, процесс глобализации культуры вызывает противоположную тенденцию – активизацию традиционной культуры. И в этом процессе мода так же может целенаправленно использоваться как механизм трансляции и популяризации её ценностей, на основе теории распространения моды. Но это уже отдельная тема для исследования.

Список литературы:

- Базовые ценности россиян. Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы (2003) / Отв. ред. Рябов А.В., Курбангалиева Е.Ш. М.: Дом интеллектуальной книги.
- Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии [Электр. ресурс] // Организация объединенных наций. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения 10.10.2012).
- Горалик, Л. (2011) «Как интересно он умирает!»: «Недуг» как составляющая актуального образа // Теория моды. Одежда, тело, культура. № 21 (осень). С. 162.
- Гофман, А.Б. (2010) Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М.: КДУ.
- Дробницкий, О.Г. (1967) Мир оживших предметов: проблема ценности и марксистская философия. М.: Издательство политической литературы.
- Ильин, В.И. (2008) Потребление как дискурс. СПб.: Интерсоцис.
- Кавамура, Ю. (2009) Теория и практика создания моды. Минск: Гревцов Паблшер.
- Костина А. В. (2012) Реклама как фактор формирования аксиологического пространства [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. № 1 (7).

http://www.cr-journal.ru/rus/journals/113.html&j_id=9 (дата обращения: 19.10.2012)

Лечение зубов. Брекеты [Электронный ресурс] // Забота о зубах.
<http://www.dentcare.ru/orthodontics/breketi/> (дата обращения 3.05.2012)

Риккерт, Г. (1998) Науки о природе и науки о культуре / Г.Риккерт Науки о природе и науки о культуре. М.:Республика.

Свендсен, Л. (2007) Философия моды. М.: Прогресс-традиция.

Шендрик, А.И. (2007) Социокультурные последствия глобализации / Шендрик А.И. Культура в мире: драма бытия. М.: Издательство Московского гуманитарного университета.

Кондулукова Ольга Вячеславовна – аспирант кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного Университета.

Kondulukova Olga Vyacheslavovna – postgraduate student of Philosophy, cultural studies and political science Department at the Moscow University for the Humanities.

**Инновационные процессы и методологические аспекты разработки программ инновационного развития
Александров В.Н.**

**Innovative processes and methodological aspects of the development of innovation development programs
Aleksandrov V.N.**

Аннотация: В статье приведены определения инновации, инновационной деятельности, инновационной стратегии, а также авторская трактовка инновационного процесса. Приведены элементы методологического обеспечения формирования программ инновационного развития компаний.

Ключевые слова: инновационный процесс, программа инновационного развития, стандарт энергоменеджмента ISO 50001.

Abstract: The article gives definitions of innovation, innovation activity, innovation strategy, as well as the author's interpretation of the innovation process. The article gives are elements of the methodological support of formation of programs of innovative development of companies.

Keywords: innovative process, the program of innovation development, energy management standard ISO 50001.

Проблемами развития и теоретического осмысления экономической инновации и инновационной экономики занимались многие известные ученые, начиная от Йозефа Шумпетера с его знаменитым «новатором» и до Бендгта Лундвалла, сформировавшего понятие национальной инновационной системы (НИС).

Так, принцип кумулятивного развития, выдвинутый Гунаром Мюрдалем, определяет, что на передний план выходят «такие процессы, которые раз начавшись, создают условия для последующего развития. -Конечный результат, -отмечал в этом случае ученый, -может неизмеримо превосходить первоначальный импульс» (Селигмен, 1968: 409) Инновационное развитие, в данном контексте, является одним из основополагающих факторов кумулятивного развития.

Согласно исследованиям Лоренца и Лундвалла -ключом к экономическому успеху является необходимость постоянных преобразований в экономике для того, чтобы существующие виды хозяйственной деятельности либо совершенствовались, либо заменялись на новые, опирающиеся на более высокий уровень компетенций (Lorenz, Lundvall, 2009). Экономика знаний подразумевает ускорение экономических и технических изменений. Основой ускорения изменений являются более короткий жизненный цикл продуктов производства и усиление глобальной конкуренции. Стратегия развития национальных иннова-

ционных систем государств и программы инновационного развития компаний должны учитывать эти и другие изменения.

В тех или иных формах инновационное развитие стран, отраслей, комплексов, предприятий всегда имело место быть, различаясь только глубиной и качеством его проявления, в том числе в соответствии с «технологической» теорией экономического развития, основоположниками которой были Й. Шумпетер, Н.Кондратьев, С. Кузнец.

В сегодняшней научной литературе существует множество определений понятия «инновация». Так, например, согласно известному определению Ф. Никсона «инновация - это совокупность технических, производственных и коммерческих мероприятий, приводящих к появлению на рынке новых и улучшенных промышленных процессов и оборудования» (Никсон, 1990: 230).

Применительно к технологическим инновациям действуют понятия, установленные в Международных стандартах в статистике науки, техники и инноваций. В соответствии с этими стандартами инновация - это конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности, либо в новом подходе к социальным услугам.

Необходимо определить, что термины «инновация» и «инновационный процесс» не однозначны.

Классическое определение инновационного процесса характеризуется тем, что он рассматривается чаще всего как процесс последовательного превращения [идеи](#) в [товар](#) (продукт или процесс). Сегодня, в условиях функционирования субъектов в рамках экономики знаний (или креативной экономики), когда реализация всех организационно-экономических механизмов и процессов всё более ускоряются, а инструменты анализа и управления доступны в интерактивном режиме, автором представляется, что определение инновационного процесса необходимо скорректировать, следующим образом: Инновационный процесс –это параллельно-последовательный процесс формирования и реализации комплекса мероприятий, связанных с созданием, освоением (внедрением) и распространением инноваций.

Для реализации инновационного процесса организация (отрасль) должна иметь необходимые и достаточные объемы финансирования, соответствующую материально-техническую базу и квалифицированный экспертно-управленческий персонал.

С целью практической реализации инновационного процесса организация (субъект) занимается инновационной деятельностью. Инновационную деятельность можно характеризовать как:

-Комплекс научных, технологических, организационных, финансовых и иных мероприятий, направленный на коммерциализацию накопленных знаний, технологий и оборудования. Результатом инновационной деятельности являются-

ся новые или дополнительные технологии, товары и услуги или технологии, товары и услуги с новыми качествами;

-Процесс, направленный на разработку и на реализацию результатов законченных научных исследований и разработок, либо иных научно-технических достижений в новый или усовершенствованный продукт, реализуемый на рынке, в новый или усовершенствованный технологический процесс, используемый в практической деятельности, а также связанные с этим дополнительные научные исследования и разработки;

-Выполнение работ и (или) оказание услуг, направленных на:

-создание и организацию производства принципиально новой или с новыми потребительскими свойствами продукции (товаров, работ, услуг);

-создание и применение новых или модернизацию существующих способов (технологий) ее производства, распространения и использования;

-применение структурных, финансово-экономических, кадровых, информационных и иных инноваций (нововведений) при выпуске и сбыте продукции (товаров, работ, услуг), обеспечивающих экономию затрат или создающих условия для такой экономии.

Инновационные процессы (инновационная деятельность) достаточно сложны и требуют проведения постоянного и всестороннего анализа и оценки закономерностей их развития и реализации. Поэтому разработкой и реализацией планов инновационного развития должна заниматься особая группа специалистов, непосредственно руководящих данным процессом - группа специалистов инновационного менеджмента. Соответственно, инновационный менеджмент - это совокупность принципов, методов и форм управления инновационными процессами, инновационной деятельностью, занятыми этой деятельностью организационными структурами и их персоналом.

Анализ современных управленческих концепций и необходимость успешного выполнения всех стадий инновационного процесса позволяют выделить следующие основные функции инновационного менеджмента:

-разработка проектов и программ инновационной деятельности;

-ориентация на достижение запланированного конечного результата инновационной деятельности организации;

-использование современной информационной базы для многовариантных расчетов при принятии управленческих решений и использование всех доступных факторов изменения и улучшения инновационной деятельности организации;

-финансовое и материальное обеспечение проектов и программ инновационной деятельности;

-формирование целевых групп по реализации инновационной деятельности и привлечение к управлению инновационным процессом всего научно-технического и производственного потенциала организации;

-осуществление управления на основе предвидения изменений и принятия гибких решений, а также обеспечение инновационного процесса в каждом сегменте работы организации;

-контроль за процессом и качеством выполнения программ инновационного развития;

-корректировка инновационных целей и программ в зависимости от состояния рынка, изменения технологий и воздействия внешней среды.

Кроме того, специфика инновации как объекта управления предполагает особый характер деятельности инновационного менеджера. Кроме общих требований (творческий характер, аналитические способности и пр.), он должен быть квалифицированным профессионалом-управленцем, знать производственно-технологическую область инновации, уметь проводить финансово-экономический анализ инновационно-производственной и инвестиционной деятельности, знать основы трудовых отношений и мотивации труда персонала, правовое регулирование и виды государственной поддержки и контроля инновационной деятельности. Особое внимание должно уделяться подготовке и принятию управленческих решений, а также контролю на каждом этапе его прохождения. Конечная цель инновационного менеджмента состоит в повышении эффективности использования ресурсов и обеспечении рационального функционирования субъектов инновационной деятельности.

Таким образом, инновационный менеджмент выступает как система программно-целевого управления, текущего и перспективного планирования научно-технических разработок, а также внедрения их в производственный процесс предприятия. Инновационный менеджмент должен быть интегрирован в организационную структуру компаний и совместно с высшим руководством должен разрабатывать инновационную стратегию, в рамках выполнения которой реализуются мероприятия ПИР.

Инновации внедряются в субъектах посредством реализации инновационной стратегии. Инновационная стратегия - это одно из средств достижения целей предприятия. Инновационная стратегия – это комплекс мероприятий по эффективному использованию инновационного потенциала предприятия для обеспечения долгосрочного развития. Инновационная стратегия подчинена общей стратегии предприятия. Она задает цели инновационной деятельности, выбор средств их достижения и источники привлечения этих средств.

Говоря об организационных стратегиях (общих, инновационных и др.) важно понимать, что чаще всего официально декларируемая (или подразумеваемая таковой) стратегия предприятия и реально им применяемая, могут принципиально отличаться друг от друга в силу наличия ряда причин экономического, терминологического и социального характера. Поэтому идентификатором реальной инновационной стратегии, применяемой организацией, должны являться те инновационные продукты, которые являются результатом инновационной деятельности.

Именно при таком подходе анализ реально применяемых организациями инновационных стратегий позволяет выделить на сегодняшний день следующие их основные типы (Вертакова, Симоненко, 2008: 13):

1. Наступательные, инновационные стратегии. Характеризуются высоким уровнем риска и эффективностью в случае успешного выполнения. Реализуются с целью опережения конкурентов и требуют от субъектов проведения интенсивных НИОКР, приобретения и внедрения прорывных технологий, быстрой реакции на меняющиеся ситуации. Предприятия, нацеленные на решения в первую очередь производственных задач, весьма редко применяют такие стратегии.

2. Оборонительные инновационные стратегии – направлены на то, чтобы удержать конкурентные и технологические позиции организации на уже имеющихся уровнях. Характеризуется невысоким уровнем риска, достаточно высоким уровнем технических разработок. Предполагают некоторое замедление с выходом нового продукта на рынок до тех пор, пока этого не сделает лидер-новатор. При этом фирма может самостоятельно развивать и совершенствовать некоторые элементы инновационных трендов применительно к своим потребностям или внедрять новые технологии параллельно с другими участниками рынка.

3. Имитационные инновационные стратегии – или инновационные стратегии второго уровня, чаще всего осуществляются организациями, имеющими устойчивые рыночные (или монопольные) позиции, использующие, при этом, уже внедренные на рынке оборудование и технологии. Чаще всего имитационные инновационные стратегии применяются организациями, придерживающиеся политики заимствований. Предприятия-имитаторы часто способны быстро занимать нишу первоначального лидера-новатора, используя свои мощные финансовые и производственные возможности.

Определяя связь инновационных стратегий, реализуемых организацией с внедрениями тех или иных видов инноваций, необходимо отметить, что радикальные инновации чаще всего внедряются предприятиями в рамках осуществления наступательных инновационных стратегий, инкрементальные – как правило, в рамках оборонительных и имитационных инновационных стратегий.

На сегодняшний день под инновациями в управлении «понимаются целенаправленные изменения организационно-управленческих и производственно-технологических процессов, связанных с разработкой, проектированием и производством выпускаемой продукции, выполняемых работ и оказываемых услуг, включая следующие виды деятельности:

-модернизация бизнес-процессов, включая изменения в средствах, методах и приемах управления компанией, изменения организационной структуры компании, изменения в стратегии компании, направленные на решение модернизационных и инновационных задач;

-внедрение новых информационных технологий, освоение новых видов использования информационных технологий в бизнес-процессах (Интернет, мобильные технологии);

-внедрение современных стандартов корпоративного управления, включая получение рейтинга корпоративного управления, и разработка комплекса мер, направленных на совершенствование механизмов корпоративного управления;

-сертификация производства на соответствие стандартам качества;

-использование механизмов частно-государственного партнерства, включая использование механизмов налогового и бюджетного стимулирования инновационного развития, возможностей государственных институтов инновационного развития (ГК "РоснаноТех", ОАО "Российская венчурная компания", Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий "Сколково", Фонд содействия развитию малых форм предпринимательства в научно-технической сфере, региональные институты развития);

-финансовая деятельность, включая инвестирование в новые инновационные МСБ (стартапы), посевное и венчурное инвестирование, участие в венчурных фондах и фондах прямых инвестиций, финансирование собственных НИ-ОКР и НИОКР, выполняемых по договорам с ведущими учебными заведениями, внешними научными организациями малым и средним бизнесом, студентами, молодыми учеными и специалистами, финансирование закупок инновационной продукции малых и средних инновационных предприятий;

-кадровая и образовательная деятельность, включая подготовку и переобучение кадров, формирование кадровых резервов, привлечение студентов и молодых специалистов к работе в компании и к сотрудничеству с ней;

-внутрироссийская инновационная кооперация, включая сотрудничество с ведущими высшими учебными заведениями, малыми и средними инновационными предприятиями;

-международная инновационная кооперация, включая сотрудничество с ведущими международными высокотехнологическими компаниями, международными венчурными фондами, малым и средним инновационным бизнесом, занятыми в научной, инновационной и деловой деятельности, соотечественниками за рубежом и их общественными организациями.

Важно подчеркнуть, что система управления инновационной деятельностью компаний должна быть направленная на:

-разработку документов, описывающих основные направления технологического развития компании (в т. ч. технологических дорожных карт, концепций технологической политики и политики в сфере информатизации, программ совершенствования системы разработки и проектирования продукции, программ повышения энергоэффективности);

-подготовку и внедрение планов инновационного развития, инновационных политик и иных управляющих документов, регламентирующих работу сотрудников в отношении инновационной деятельности;

-эффективную организацию НИОКР, как за счет генерации инновационных идей внутри компании, так и за счет аутсорсинга;

-формирование системы управления интеллектуальной собственностью (патенты, лицензии, ноу-хау);

-инициирование и участие в разработке технологических стандартов, включая разработку международных стандартов» (Методические материалы, 2011: 36) .

Переходя непосредственно к анализу программам инновационного развития (ПИР) госкомпаний, которые приняты и принимаются сегодня по инициативе государства, необходимо отметить, что «Программа инновационного развития -это документ, описывающий комплекс мероприятий, направленных на разработку и внедрение новых технологий, разработку, производство и вывод на рынок новых инновационных продуктов и услуг, соответствующих мировому уровню, содействие модернизации и технологическому развитию компаний путем значительного улучшения основных показателей эффективности производственных процессов, а также направленных на инновационное развитие ключевых отраслей промышленности Российской Федерации, и интегрированный в бизнес-стратегию развития компаний» (Методические материалы, 2011: 4).

Одним из важнейших подготовительных этапов в процессе формирования программ инновационного развития является технологический аудит, результаты которого, в том числен должны быть включены в исследуемые программы инновационного развития.

Технологический аудит –«это независимый, комплексный и документированный анализ, содержащий адекватную оценку существующего технологического уровня компании в сравнении с сопоставимыми компаниями в России и за рубежом, относительно доступных лучших аналогов (в соответствии с мировым уровнем развития науки, техники и технологий).

Технологический аудит является специализированным анализом конкурентоспособности в инновационной области, который включает, но не ограничивается анализом:

-текущего состояния освоенных компанией (предполагаемых к применению, проектируемых) оборудования и технологий;

-существующих и планируемых к разработке, производству и реализации продуктов и услуг, а также используемых и находящихся в процессе разработки объектов интеллектуальной собственности (результатов интеллектуальной деятельности);

-организационно-управленческих и производственно-технологических процессов, связанных с разработкой, проектированием и производством выпускаемой продукции и услуг» (Методические материалы, 2011: 23).

В то же время в Методических материалах указывается, что технологический аудит не является аудитом в значении, определенном Федеральным законом №307-ФЗ «Об аудиторской деятельности».

Важным организационным моментом в процессе формирования и реализации ПИР госкомпаний является рекомендация ввести в структуры их управления должность уровня заместителя руководителя компании (заместитель председателя правления, заместитель гендиректора), ответственного за инновационное развитие. Кроме того, для обеспечения инновационной деятельности в компаниях должны быть созданы структурные подразделения верхнего уровня, находящиеся в непосредственном подчинении у руководителя, ответственного за инновационное развитие и выполняющее исключительно функции, связанные с инновационным развитием компании.

Ещё одним неотъемлемым элементом при формировании ПИР госкомпаний должна быть «Сводная стратегия развития (executive summary)» или Паспорт ПИР –раздел, в котором должны быть приведены предельно краткие изложения существенных мероприятий, целей, задач и планируемых результатов инновационной стратегии в целом. В данном разделе должны быть приведены:

- таблица всех запланированных мероприятий на срок не менее 5 и не более 10 лет с краткими описаниями и запланированными результатами;

- таблица контрольных точек, в которой должны быть перечислены в хронологическом порядке все контрольные точки с указанием показателей и их целевых значений;

- приоритетные направления развития науки, технологий и техники в РФ в контексте инновационной деятельности той или иной компании;

- таблица технологических платформ, в которых запланировано участие компании с изложением форм участия и постановкой цели.

Происходящие процессы формирования и практической реализации программ инновационного развития большинством госкомпаний базовых отраслей экономики, говорит о начале активной фазы практической реализации широко-масштабной стратегии инновационного развития в Российской Федерации, и в этом контексте анализ названных инновационных программ интересен, в том числе, как анализ элементов реализации государственной экономической политики. Во-вторых, реализация программ инновационного развития предполагает не только активацию инновационных процессов в субъектах реализации, но и предусматривает, на основании этого, повышение эффективности деятельности в соответствующих и смежных отраслях и компаниях, что, в том числе, определяет необходимость научного анализа названных ПИР с точки зрения аутентичности их построения. В-третьих, представляется, что в процессе выполнения ПИР должны быть предусмотрены определенные механизмы их контроля и реализации, например, механизмы корректировки и улучшения с целью соответствия их перспективным и актуальным направлениям развития в изменяющихся рыночных условиях, и наличие таких механизмов должно быть подтверждено исследованием рассматриваемых ПИР. В-четвёртых, очевидно, что в случае

успешной реализации исследуемых программ инновационного развития, таковые программы могли быть приняты или рекомендованы быть к принятию для более широкого круга компаний большинства отраслей, что дополнительно актуализирует необходимость их научного исследования.

Необходимо ещё раз подчеркнуть, что программы инновационного развития (ПИР), относительно недавно принятые крупными госкомпаниями России являются важным инструментом инновационного развития, целью которого является повышение эффективности деятельности предприятий, отраслей, страны (соответствуют экономическому агрегированию на микро- мезо- и макро- уровнях).

За период 2011 - 2012 гг. указанные ПИР приняты 60 крупнейшими госкомпаниями, на долю которых приходится более 20% ВВП России. Реализация принятых и принимаемых инновационных программ должна интенсифицировать развитие общественно-экономических институтов, инфраструктуры страны, и в конечном итоге повысить жизненный уровень населения и конкурентоспособность государства. Уже сейчас можно говорить о том, что начавшийся процесс «принуждения» госкомпаний к формированию и реализации программ инновационного развития, дает положительные результаты, см. таблица 1:

Таблица 1.

Позиции стран БРИКС в глобальном индексе инновационного развития*

Страна	2012 г.	2011 г.	2010 г.	2009 г.	Динамика
Китай	34	29	43	37	неустойчиво-отрицательная
Россия	51	56	64	68	устойчиво-положительная
Южная Африка	54	59	51	43	неустойчиво-положительная
Бразилия	58	47	68	50	неустойчиво-отрицательная
Индия	64	62	56	41	устойчиво-отрицательная

* Таблица составлена автором по данным The Global Innovation Index: <http://www.globalinnovationindex.org/gii/>

Для пула электроэнергетических госкомпаний, также принявших указанные ПИР, в целях применения системного подхода к непрерывному повышению энергоэффективности деятельности названных компаний, а также улучше-

ния качества реализации принятых ПИР, автором предлагается проведение аттестации названных организаций по международным стандартам энергоменеджмента ISO 50001 (в 2013 г. в России планируется принятие стандарта энергоменеджмента ГОСТ Р ИСО 50001, базирующегося на данном стандарте).

Стандарт ISO 50001, в свою очередь, основывается на принципе постоянного улучшения качества Деминга PDCA. «Согласно данной модели, для предоставления соответствующего уровня качества нужно непрерывно повторять следующие этапы:

-Планирование (Plan): что нужно сделать, когда это нужно сделать, кто должен это сделать, как это следует сделать и с помощью чего.

-Выполнение (Do): выполнение запланированных работ.

-Проверка (Check): определяется, дало ли выполнение работ ожидаемый результат.

-Действие (Act): производится корректировка планов с учетом информации, полученной на этапе проверки» (ИТ сервис-менеджмент, 2003: 35).

Список литературы

Вертакова, Ю.В., Симоненко, Е.С. (2008) Управление инновациями: теория и практика: учебное пособие. М.: Эксмо.

ИТ Сервис-менеджмент (2003). Сборник / пер. с англ. М.: IT Expert.

Методические материалы по разработке программ инновационного развития акционерных обществ с государственным участием, государственных корпораций и Федеральных государственных унитарных предприятий Распоряжение от 31 января 2011 г. №ЗР-ОФ Министерство Экономического развития Российской Федерации (2011). М.: Минэкономразвития

Никсон, Ф. (1990) Роль руководства предприятия в обеспечении качества и надежности / пер. с англ. М.: Издательство стандартов.

Селигмен, Бен Б., (1968) Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс.

Lorenz E., Lundvall B.A. (2009) Accounting for Creativity in the European Nation: a multi-level analysis of individual competence, labour market structure, and systems of education and training. Paper presented at the 21st Annual Meeting of SASE, Paris, 16-18 July.

Александров Владимир Николаевич – аспирант кафедры менеджмента Московского гуманитарного университета, ведущий специалист ОАО «СО ЕЭС», Aleksandrov Vladimir Nikolaevich – postgraduate student of the Management Department of Moscow University for the Humanities, the leading specialist of JSC «SO UPS».

**Оценка результативности труда государственных гражданских служащих:
отечественный и зарубежный опыт
Семенюк К.Г.**

**The civil officers' performance evaluation: domestic and foreign experience
Semenyuk K.G.**

Аннотация: В статье рассматривается отечественный и зарубежный опыт (на примере США и Франции) оценки труда государственных гражданских служащих.

Ключевые слова: Оценка, оценка результатов труда, оценка персонала, аттестация, государственная служба, государственный гражданский служащий.

Abstract: The article deals with domestic and foreign experience of the civil officers' performance evaluation drawing (on the example of the United States of America and France).

Keywords: evaluation, efficiency rating, personnel assessment, employee rating, civil service, civil officers' performance evaluation.

Государственная служба играет важную роль в обеспечении жизнедеятельности общества и выполняет определенную функцию, направленную на создание системы мотивированной, эффективной и результативной деятельности.

В последние годы в России осуществляется реформа государственной гражданской службы, целью которой является повышение эффективности ее деятельности (Указ Президента Российской Федерации, 2009). Возникает необходимость усовершенствования отдельных органов власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, что позволит достичь более высокого качества и результативности государственного управления в стране.

Одной из главных задач реформирования российской государственной службы является совершенствование системы оплаты труда ее служащих, оптимизация оплаты труда служащих в целях приближения ее уровня к уровню оплаты труда руководителей и специалистов в негосударственных секторах экономики. В настоящее время, необходимо отметить низкую эффективность деятельности органов государственной власти, падение престижа госслужбы и авторитета гражданских служащих, отсутствие нормативно – правовой базы, механизма формирования оплаты труда.

Непрозрачная система оплаты труда и материального стимулирования служит определенным толчком к таким социально – экономическим явлениям как взяточничество и коррупционные проявления.

Много внимания уделяется исследованию вопросов методологии и методического обеспечения оценки результатов труда персонала. Проблемам научно-теоретического, методологического и практического исследования и мониторинга рынка труда, оценки труда персонала посвящены работы многих отечественных и зарубежных ученых, среди которых: Волгин Н.А., Столярова В.А.,

Галаева Е.В., Андреева В.Н., Бизюкова И.В., Бондаренко З.Ф., Веснин В.Р., Гончаров В.В., Дорошева М.В., Дятлов В.А., Зотова Е.С., Кокин Ю.П., Одегов Ю.Г., Шкатулла, В.И. Костин Л.А., достаточно широко исследованы вопросы оценки результатов трудовой деятельности в работах Жукова А.Л., Журавлева П.В., Зайкина А.Д., Полякова И.А. и др.

Ознакомление с экономической литературой и научными исследованиями отечественных и зарубежных авторов по данной тематике, показывает, что трактовке экономической категории «оценка труда персонала» уделяется недостаточно внимания. С нашей точки зрения следует рассмотреть термин «оценка труда персонала» более подробно.

Экономические категории «оценка труда», «оценка работы», «оценка персонала» рядом специалистов определяется «как мероприятия по определению соответствия количества и качества труда требованиям технологии производства» (Базаров Т.Ю., Еремина Б.Л., 2007: 327), «как процесс эффективности выполнения работниками предприятия своих должностных обязанностей и реализации организационных целей» (Ниязмамедов Р.Т., 2004: 24), «как формальный процесс, с помощью которого определяется относительная сложность различных видов работ в целях установления оплаты» (Цыпкин Ю.А., 2004: 269). Данной подход к оценке работ можно использовать в установлении оплаты труда.

Ряд экономистов считают, что «оценка персонала является важнейшим компонентом управления, поскольку лишь знания и умения людей, их согласованные действия могут обеспечить достижение целей организации» (Одегов, Журавлев, 2007: 119).

Вместе с тем, мнения экономистов свидетельствуют о неоднозначности трактовки понятия «оценка». На наш взгляд Ниязмамедов Р.Т. акцентирует внимание на оценке деятельности работника. Одегов Ю.Г. и Журавлев П.В. рассматривают «оценку персонала» как вид кадровой работы, а Нечаева И.И. рассматривает оценку с двух сторон: с одной стороны как процесс определения оценки, а с другой как сам показатель, то есть результат этого процесса.

По нашему мнению перечисленные выше различные варианты определения понятий свидетельствуют об: отсутствии однозначного подхода к определению объекта и цели оценки; необходимости определения конкретных критериев оценки и единой методики; сложности ее определения в реальной практике. При этом, наиболее близким к нашему мнению является трактовка экономической категории «оценка персонала» как вид кадровой работы предложенная Одеговым Ю.Г. и Журавлевым П.В.

Становится интересным изучить отечественный опыт оценки результативности труда на примере государственных гражданских служащих. В настоящее время в России существует аттестация, как процедура, связанная с проверкой соответствия работника организации установленным требованиям. «Порядок проведения аттестации устанавливается трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового пра-

ва, локальными нормативными актами, принимаемыми с учетом мнения представительного органа работников» (Трудовой кодекс Российской Федерации, 2002).

«В современном российском кодифицированном источнике трудового права термин «аттестация», к примеру, употреблен как минимум в трех значениях. Так, в ст. 81 ТК РФ аттестация означает периодическую проверку квалификации работника, результаты которой могут служить основанием для его увольнения по инициативе работодателя. В ст. 173 ТК РФ аттестация уже выступает в качестве элемента образовательного процесса работников, совмещающих работу с обучением, дающая право на дополнительные оплачиваемые отпуска. В контексте ст. 212 ТК РФ под аттестацией понимается проверка рабочего места по условиям труда с последующей сертификацией работ по охране труда в организации» (Воронцов, 2007).

В соответствии со ст. 48 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (Федеральный закон, 2004) государственные гражданские служащие аттестуются в соответствии с [Положением](#) о проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 01.02.2005 № 110 «О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации» (Указ Президента РФ, 2005). В рассматриваемом положении отражены наиболее важные организационные моменты. В положении закреплено проведение аттестации «в целях определения соответствия гражданского служащего замещаемой должности гражданской службы на основе оценки его профессиональной служебной деятельности» (Указ Президента РФ, 2005). В положении достаточно подробно зафиксировано о категориях работников, не подлежащих аттестации, а именно «проработавшие в занимаемой должности гражданской службы менее одного года; достигшие возраста 60 лет; беременные женщины; находящиеся в отпуске по беременности и родам и в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет (аттестация указанных гражданских служащих возможна не ранее чем через год после выхода их отпуска); замещающие должности гражданской службы категорий “руководители” и “помощники (советники)”, с которыми заключен срочный служебный контракт; в течение года со дня сдачи квалификационного экзамена.

Для проведения аттестации гражданских служащих правовым актом государственного органа формируется аттестационная комиссия. В состав аттестационной комиссии включаются представитель нанимателя и (или) уполномоченные им гражданские служащие (в том числе из подразделения по вопросам государственной службы и кадров, юридического (правового) подразделения и подразделения, в котором гражданский служащий, подлежащий аттестации, замещает должность гражданской службы), представитель соответствующего органа по управлению государственной службой, а также представители научных и образовательных учреждений, других организаций, приглашаемые органом по управлению государственной службой по запросу представителя нанимателя

в качестве независимых экспертов - специалистов по вопросам, связанным с гражданской службой, без указания персональных данных экспертов. Число независимых экспертов должно составлять не менее одной четверти от общего числа членов аттестационной комиссии» (Федеральный закон, 2004). Относительно частоты проведения аттестации в положении определен срок в один раз в три года. По результатам прохождения аттестации предусмотрено четыре решения: «1) соответствует замещаемой должности гражданской службы; 2) соответствует замещаемой должности гражданской службы и рекомендуется к включению в установленном [порядке](#) в кадровый резерв для замещения вакантной должности гражданской службы в порядке должностного роста; 3) соответствует замещаемой должности гражданской службы при условии успешного прохождения профессиональной переподготовки или повышения квалификации; 4) не соответствует замещаемой должности гражданской службы» (Федеральный закон, 2004).

Самое распространенное, выносимое аттестационной комиссией – это «соответствует занимаемой должности». Означает, что работник успешно прошел аттестацию, подтвердил свою квалификацию теоретическими знаниями и по совокупности присущих ему деловых качеств, а также уровень профессиональной подготовки позволяет продолжить работу в прежней должности с прежними обязанностями. Решение, принятое комиссией отражается в аттестационном листе, с которым позже под роспись ознакомляется работник. Если работник не согласен с результатами аттестации, он имеет право обжаловать их. Далее, сведения о результатах проведенной аттестации заносятся в раздел IV личной карточки работника по форме № Т-2 (утв. постановлением Госкомстата России от 5 января 2004 г. № 1).

Таким образом, изучив российский опыт проведения аттестации государственных служащих можно сделать вывод о том, что основной целью оценки сотрудника является определение его соответствия замещаемой должности гражданской службы, а не оценка результативности его труда. Вместе с тем, существует необходимость в совершенствовании системы оценки и оплаты труда государственных служащих в целях повышения эффективности их работы. В связи с этим необходимо изучить опыт зарубежных стран в части оценки и стимулирования труда государственных служащих.

Вышеперечисленные проблемы характерны для ряда других стран. Например, в США практикуется разработка соглашения о результативности деятельности руководителей, замещающих должности на государственной службе. Один раз в году руководитель подразделения обязан пройти процедуру оценки результативности его деятельности. Для этого каждому подразделению необходимо разработать собственную систему, на основе которой осуществляется проверка результативности и эффективности деятельности работников. При подписании данного соглашения обсуждаются все цели и prerogatives руководства и работников. При этом, цели руководителя формируются, исходя из организационной и индивидуальной результативности. В таком соглашении

отражается качество труда, результаты деятельности, эффективность использования времени, целесообразность использования финансовых ресурсов, а также возможности разработки инновационных методик для достижения поставленных задач (Ежегодный доклад министерства Государственной службы и административной реформы, 2002: 58).

В соответствии с действующим законодательством США, в вышеуказанном соглашении устанавливаются три уровня оценки по результатам деятельности работника: полностью удовлетворительная, минимально удовлетворительная, неудовлетворительная. Некоторые подразделения могут добавлять два дополнительных уровня в оценке положительного результата деятельности. Принятая в США система соглашений о результатах труда считается частью механизма в повышении эффективности деятельности государственных служащих.

Во время подписания соглашения о результативности работы государственный служащий предупреждается о праве государственного органа в лице руководителя определенного подразделения уволить работника при неисполнении условий подписанного соглашения.

Таким образом, становится очевидным, что результаты деятельности руководителей структурных подразделений напрямую зависят от показателей работы их подчиненных. При правильном определении целей и приоритетов деятельности сотрудников своего подразделения руководитель сможет достичь наилучших результатов работы. По окончании трех лет проводится сертификация результативности труда руководителей, по результатам которой руководитель может быть освобожден от занимаемой должности за неисполнение обязанностей или за несоответствие должности.

Для формулировки указанного соглашения о результативности деятельности используют определенные правила, принятые в США, состоящие из шести пунктов:

- рассмотрение положения структурного подразделения в соответствии с распределением финансовых ресурсов;
- конкретизация целей подразделения на основе проектов и приоритетов правительства;
- уточнение прав и обязанностей сотрудника (с которым заключается соглашение);
- формирование списка основных задач для каждого конкретного сотрудника;
- соотношение основных задач с целями по обеспечению результативности и эффективности работы;
- составление и утверждение плана о результатах работы (*Notation et evaluation des agents d'administration*, 2001).

В положении отражаются основные принципы деятельности, важные цели структурного подразделения, план результативной деятельности сотрудника. При составлении соглашения необходимо конкретно сопоставлять цели каждого структурного подразделения и план результативной деятельности ру-

ководителя этого подразделения. В плане работы обязательно отражаются основные задачи, которые предстоит решить руководителю за отчетный год. Результативность деятельности чаще всего оценивается на основе параметров, к таким следует отнести: количественные параметры, качественные параметры, временные параметры, затратные параметры (Senior Civil Servants Pay Ranges: Электр. ресурс).

При формировании соглашения о результативности деятельности необходимо соблюдать следующие принципы: определяя основные цели деятельности необходимо их четко сформулировать, при этом они должны быть достижимыми; при формировании целей необходимо учитывать возможности работника, а также пользоваться опытом предыдущих лет; число указанных целей не должны превышать пяти и они не могут изменяться.

В соответствии со своими должностными обязанностями руководитель утверждает план результативной деятельности. В этом плане необходимо определить задачи руководителя, количество которых не должно быть меньше шести, но и превышать десяти. Подписывается план, руководителем структурного подразделения и его непосредственным начальником, который в дальнейшем становится составной частью соглашения о результативности деятельности руководителя.

Завершается работа по подготовке соглашения в следующем порядке: на основании перечня возможных целей руководитель подразделения и его непосредственный руководитель (т.е. руководитель более высокого уровня) определяют самые важные задачи, поставленные к выполнению перед сотрудниками. Данные задачи должны соответствовать обязанностям руководителя и его возможностям. Далее руководитель более высокого уровня, в соответствии с утвержденными задачами утверждает цели.

Руководитель структурного подразделения составляет, и подписывает соглашение о результативности деятельности совместно с непосредственным начальником, но окончательный вариант соглашения утверждается руководителем более высокого уровня. Подписывая это соглашение, руководитель должен внимательно ознакомиться с требованиями, предъявляемыми к нему.

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что система стимулирования деятельности государственных служащих сформулирована на основании анализа выполняемой ими работы.

В основе стимулирования труда государственных служащих США был взят принцип «равная оплата за равную работу» и «дифференциация по результату». Оплата труда государственных служащих при росте и дифференциации, была связана с местными тарифами. Вместе с тем, вышеуказанные принципы было достаточно трудно реализовать, и обеспечить из-за недостатков данной системы. При этом, основа системы оплаты труда оставалась неизменной, т.к. изменения на законодательном уровне принимались только с целью увеличения размера оплаты труда.

С нашей точки зрения интересен также опыт Франции, который основан на процедуре оценочного собеседования и аттестации. Примером этого был введен совершенно новый порядок оценки государственных служащих принятый в 2002 году.

Оценочное собеседование проводится ежегодно для всех государственных служащих на всех его этапах, этим занимается непосредственный начальник служащего, также в нем могут принимать участие и другие уполномоченные лица, список которых определяется специальным положением.

Основным критерием для оценки деятельности государственного служащего является соотношение его результатов деятельности с закрепленными за ним целями и задачами. По итогам собеседования руководитель должен составить отчет, с которым ознакомляется работник и в случае своего согласия подписывает его. На практике данное собеседование в целях оценки государственного служащего используется уже давно, но на законодательном уровне оно было закреплено только в 2002 году.

Аттестация является традиционной процедурой оценки государственной службы Франции, она была предусмотрена декретом 1959 года (Вагина Л.В., 2008: 96). В соответствии с порядком, аттестацию проводит руководитель ведомства не менее одного раза в два года (периодичность проведения собеседования, ответственные лица и иные порядки утверждаются специальным постановлением). По итогам аттестации оформляется бланк индивидуальной аттестации, который состоит из двух частей: общей оценки и поставленного балла.

Характеристикой работы служащего является общая оценка, выставляемая по результатам собеседования и аттестации. В нормативных актах общего действия сформулированы все критерии оценки эффективности государственных служащих. Так, декрет 1959 года предполагал оценку государственных служащих исходя из следующих аспектов: организованность; профессиональные знания; методы работы; эффективность деятельности; индивидуальные качества исполнителя. Более подробное описание критериев оценки служащих содержатся в нормативных актах более низкого порядка, особых статусах и внутренних актах конкретных государственных учреждений (постановлениях, распоряжениях).

Результаты аттестации выражаются в бальной оценке (чаще всего от 0 до 20), которую выставляют служащему. Оценка такого рода обычно используется при аттестации на государственной службе Франции, при этом декрет 2002 года и следующие нормативные акты вносят в нее весомые коррективы. В каждом департаменте закрепляется своя шкала оценок, также фиксируется начальная оценка государственного служащего при поступлении на работу и правила ее изменения. Данная система была введена из-за того, что до 2002 года, все служащие оценивались формально по одной шкале. «Теперь ограничение шкалы получило формальное закрепление, что позволяет более объективно оценивать работников» (Пошерстник Н.В., 2008: 165).

Оценивая сложившуюся ситуацию на государственной службе Франции в части завышения оценок по результатам аттестации можно заключить, что появляется угроза роста баллов с каждым годом, что будет отражать только стаж государственной службы. Для решения данной проблемы в определенных постановлениях устанавливаются специальные ограничения. Например, «для штата вспомогательных служб Премьер-министра определено, что доля служащих с максимальным повышением балла не должна превышать 20%» (Постановление Премьер-Министра Франции, 2003). Таким образом, данным Постановлением было предпринято сделать аттестацию служащих более объективной.

Анализ отечественного опыта проведения аттестации служащих показал, что основной целью оценки сотрудника является определение его соответствия замещаемой должности гражданской службы, а не оценка результативности его труда. Таким образом, до настоящего времени в России отсутствует механизм оценки результатов труда. В этой связи, оценка и стимулирование труда государственных гражданских служащих для России является актуальной задачей, которая должна быть реализована в ходе дальнейшей реформы. В федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы РФ (2009-2013гг.)» указано, что создание современной системы материального стимулирования труда служащих является одним из важнейших направлений повышения эффективности государственной службы. Представляется целесообразным запланированные федеральной программой мероприятия проводить в комплексе с уже имеющимся положительным зарубежным опытом, например опыт Франции, который может стать эффективным инструментом решения проблем в этой сфере.

Список литературы

Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 3.

О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ», 02.08.2004, № 31, ст. 3215.

О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.02.2005 № 110 // Собрание законодательства РФ. 07.02.2005. № 6

Указ Президента Российской Федерации от 10 марта 2009г. N 261* Федеральная программа «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009-2013 годы)».

Постановление от 16.07.2003г. «Об общих условиях оценки и аттестации служащих вспомогательных служб Премьер-министра Франции».

Базаров Т.Ю., Еремина Б.Л. (2007) Управление персоналом. М.: Юнити.

Вагина Л.В. (2008) Актуальные проблемы реформирования государственной службы Российской Федерации: РАГС.

- Ниязмамедов Р.Т. (2004) Рынок труда и оценка персонала как фактор его развития: автореф. дис. канд. эк. наук. М.:
- Одегов Ю.Г., Журавлев П.В. (2007) Управление персоналом: учебник для вузов. М.: Финстатинформ.
- Пошерстник Н.В. (2008) Заработная плата в современных условиях. М.; СПб.: Гер.
- Цыпкин Ю.А. (2004) Управление персоналом: уч. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА.
- Воронцов С. (2007) Аттестация научных кадров: запланированные изменения // Кадровик. Трудовое право для кадровика, № 8.
- La Fonction publique (2002) Ежегодный доклад министерства Государственной службы и административной реформы. La documentation française.
- Notation et evaluation des agents d'administration, Cour des Comptes (2001). Senior Civil Servants Pay Ranges (Электр. Ресурс.) <http://www.cabinetoffice.gov.uk/content/senior-civil-servants-pay-ranges>

Семенюк Кристина Геннадьевна - аспирантка кафедры экономических и финансовых дисциплин Московского Гуманитарного Университета. Консультант Управления налогообложения Федеральной налоговой службы.
Semenyuk Christina Gennadyevna – postgraduate student of «Economic and financial disciplines» Department of the Moscow University for the Humanities, Consultant of Management of the taxation of Federal Tax Service

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Инков А.А.* Некоторые особенности взаимоотношений
Афин и союзников в начальный период Декелейской войны
(413 – 410 годы до н. э.) 4
- Алексеев С.В.* Реконструкция праславянской обрядности: календарные
обычай 21
- Морошкин В.А.* Возвращение российских эмигрантов из Болгарии в
1920-х гг. 42

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Кондулукова О.В.* Мода как способ трансляции ценностей массовой
культуры: постановка проблемы 48

ЭКОНОМИКА

- Александров В.Н.* Инновационные процессы и методологические аспек-
ты разработки программ инновационного развития 56
- Семенюк К.Г.* Оценка результативности труда государственных гра-
жданских служащих: отечественный и зарубежный опыт 66

Правила представления рукописей авторами и требования к оформлению представлены на официальном сайте:

http://www.mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/

На сайте также представлены содержание всех выпусков/номеров и полный список публикаций в журнале «Научные труды Московского гуманитарного университета».